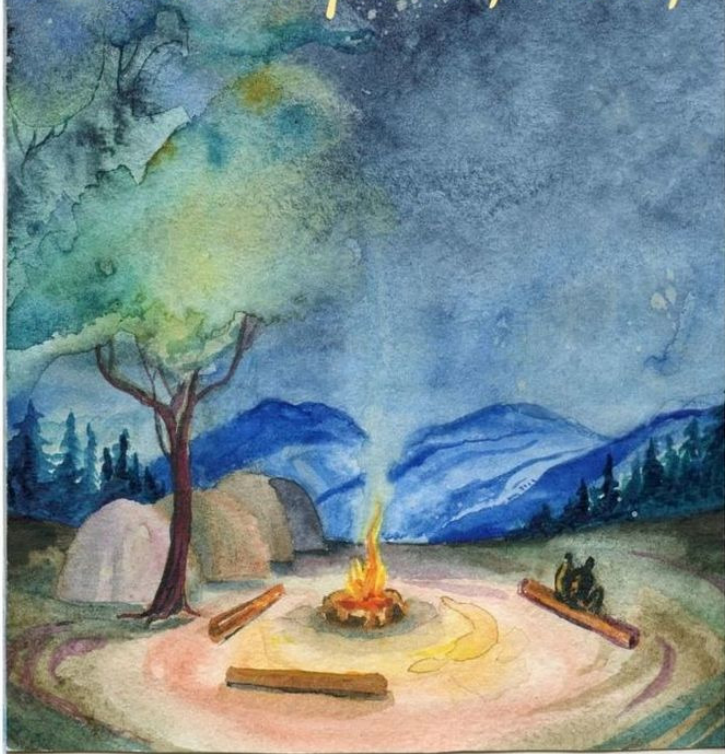

18+

Анна Скрипка

Невозвращенец

Анна Леонидовна Скрипка

Невозвращенец

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64771536

ISBN 9785005355386

Аннотация

Дыши глубже... Ощути в полной мере, чем наполнены твои лёгкие в этих живых бесконечных краях. Это терпкая лесная влага или горький запах костра, это лёгкость в сердце, нежность прикосновения или горечь обид? Друг мой, оглянись вокруг и скажи мне, чем ты дышишь – не лёгкими... И в нашем новом мире крайне сложно ответить на этот вопрос, ведь именно сейчас настало то время, в которое пора переосмыслить правильность нашей привычной жизни, которая так бесценна... а иногда не стоит и прервавшей ее пули.

Содержание

Вместо введения	5
Невозвращенец	7
Рассвет – всегда начало	69
Чаща	86
Конец ознакомительного фрагмента.	101

Невозвращенец

Анна Леонидовна Скрипка

© Анна Леонидовна Скрипка, 2021

ISBN 978-5-0053-5538-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вместо введения

Главные герои сборника рассказов «Невозвращенец» – люди, связанные с природой больше остальных, это путешественники, более свободные и менее приспособленные к обыкновенной жизни. Все они путники не потому, что их постоянно тянет подальше от цивилизации, а по образу мышления, по взгляду на мир. Таким людям сложнее связать себя с системой существования, к которой привыкло большинство, и обстоятельства ответили жёстким отпором на их самоотверженные попытки найти общий язык с внешним миром, заставив их принимать самые нестандартные решения. За любым поступком героев стоит целая жизнь, ведь персонажи данной книги поступают не так, как принято в обществе, а как они чувствуют. Основная идея книги заключается в представлении альтернативного взгляда на извечные проблемы человеческого бытия, а именно в том, что в современном мире крайне сложно определить, что «хорошо» и что «плохо», что именно сейчас настало время переосмыслить правильность нашей привычной жизни, которая нынче бесценна... а иногда не стоит и прервавшей ее пули.

«Невозвращенец» – это сборник рассказов, связанных между собой едва ли уловимо. Каждый из этих рассказов может быть рассмотрен отдельно друг от друга и в контексте целой книги.

Невозвращенец

Мне очень захотелось его толкнуть. Больно! Так, чтобы у него слёзы потекли – но моих сил на такой толчок не хватит. Слёзы по-прежнему одолевали только меня. В горле застрял ком, влажные глаза, наверно, блестели лихорадочно и болезненно, выдавая этому человеку все мои эмоции. Мне очень захотелось его ударить, так, чтобы ему тоже стало плохо, но я чувствовала себя такой маленькой рядом с ним, что лепет пятилетнего ребёнка был бы воспринят с большей серьёзностью. Мне очень захотелось на него наорать, чтобы он уезжал и думал о том, насколько сильно меня расстроил. Но разыгрывать драму было так бессмысленно: я прекрасно знала, что не могу сделать ничего, что могло бы его остановить. Хорошо, что хоть решил попрощаться.

– Я ведь тебя больше не увижу? – спросила я, щурясь от белизны дождевых туч и слёз.

– Не знаю. Никто этого не знает. Может, и встретимся.

– И я ведь ничего не могу изменить? – в отчаянии уточнила я, хотя ответ был очевиден.

– Не знаю, – повторил он, взгляд не отводя. – Разве надо что-то менять?

– Мне очень хочется... что-то менять... – Голос уже срылся, но слёзы ещё не покатались по моим щекам, только с ослепительно белого неба сорвались первые капли.

Неподалёку от храма Святого Николая мы сидели на парапете друг напротив друга, закинув ноги по разным сторонам ограждения. От церкви нас отделял небольшой парк, яркий от осенних красок, но унылый от красок надвигающегося ливня. За парковой аллеей виднелись старые давным-давно позолоченные купола и маленькие кругленькие окошки с рисунками из цветных стёклышек – мне всегда нравились витражи. Я постепенно замерзала, но никуда не собиралась уходить – напротив, судорожно искала способ продлить эти минуты, секунды, мгновения. Отвлекали и осенние краски, и витражи, и старые купола храма Святого Николая, – и сейчас они мне не нравились, просто потому что не до них. Друг, по-моему, как и я, был весьма подавлен, но в силу того, что он мужчина, держался куда спокойней меня. Мне очень хотелось, чтобы он хоть чуть-чуть сожалел! Сожалел не об отъезде, а о расставании со мной. Меня очень оскорбляла эта несправедливость: меня давили эмоции, я открыто переживала, наплевав на гордость и достоинство, мне было всё равно, как я выгляжу и что обо мне подумают посторонние, а он... даже взволнованным не выглядел.

Я с горечью пыталась вспомнить, что я хотела ему сказать, а в голову ничего не приходило, не вспоминалось. Возможно, я просто с ним уже поговорила у себя в голове. Бывает, ждёшь разговора с таким ажиотажем и так подробно его представляешь, что в голове откладывается, будто вы друг другу уже всё сказали.

Он для меня – спасение, неопровержимое доказательство того, что существуют такие же сумасшедшие люди, как и я. Это мой друг, этот весьма необычный человек с большими серыми, как грозовое небо, глазами и копной светло-русых немного вьющихся волос, подстриженных неровно и совсем давно, сочинил в моей жизни пусть и не самую долгую главу, но самую интересную и запоминающуюся о сломанных правилах и разорванных стереотипах. Этот странноватый и чрезмерно родной юноша очень сильно меня любил, я знаю. Но здесь, в этом городе, ничего его не держит, ни места, ни люди. Он уедет, что бы я ни вычудила: заплакала бы, устроила бы истерику, ударила бы его или вообще не пришла бы прощаться, – он всё равно не изменит своего решения. И это было неприятно: он мог бы стать причиной, остановившей меня от побега из дома, а у него такой привязки ко мне нет. Он мог искренне любить, фанатеть, не видеть плохих качеств из-за немислимой симпатии к кому-то, но его ничто никогда не удерживало. Вот такой свободный человек...

– И ты не собираешься возвращаться? Никогда?

– По крайней мере, я так думаю, – пожал он плечами. – Время покажет. Ты же знаешь, я ничего не исключаю. А судьба – та ещё шутница. – Едва ли он утешал самого себя.

– Я не хочу, чтобы ты уезжал, – и при этих словах слёзы градом осыпались по моим покрасневшим от холода щекам. В голове серыми птицами бились болезненные мысли, ломая

хрупкие крылья о жестокую реальность. Безысходность даже не давала выговориться, и большая часть несказанного так и оставалась несказанной.

– Иди сюда, – смягчился Игорь – я знаю, ему тоже сейчас было очень тяжело, особенно, когда я заплакала. Он крепко меня обнял, прижал к себе, уткнувшись лицом мне в волосы, – родная моя, ты ведь и сама всё понимаешь, мне нельзя по-другому. Наденька, милая, ты же сама такая, как я.

Да, и я – вот такой свободный человек... Меня тоже нигде ничего не держало. В любой момент я могла без особых душевных переживаний взять и бросить абсолютно всё, я могла уехать от родителей, могла спокойно сбежать, ничего не сказав своим друзьям, но... но этот друг – Игорь – почему-то подорвал мою свободу. Хотя... Через месяц, через два я уже не буду чувствовать никакой боли от потери такого близкого человека в моей жизни, я успокоюсь, буду жить дальше, причём, так же счастливо, как и раньше, а, может, ещё счастливее, но сейчас эта мысль не успокаивала. Сейчас мне было плохо, и вовсе я не в том состоянии, чтобы холодно рассуждать. Я всё могу понять мозгами, но какое мне сейчас дело до мозгов? Зачем мне что-то понимать? – Я ведь страдаю.

– Надь, – вновь заговорил он, – если будет возможность встретиться, я дам тебе знать. Я дам тебе знать, – отчётливее повторил он.

– Я не хочу тебя заставлять.

– И не заставляешь. Я соскучусь. – Игорь прижал меня

к себе ещё крепче. Я ощущала, с каким наслаждением он вдыхает запах моих волос, ощущала, что ему тоже искренне жаль нашего времени, только нашего и неповторимого и невозможного с кем-либо другим. Я тоже очень любила его запах. Я не опишу, на что он похож, не сумею, но этот запах стал таким же родным и любимым, как ароматы, связанные с ранним детством: лаванда в бабушкином подвале, мамина одежда, топлёное домашнее молоко, настолько отличающееся от магазинного...

– Ты ведь когда-нибудь здесь будешь? – проямлила я – Игорь и услышал меня только потому, что мы сидели обнявшись.

– Я не знаю, Наденька, – вздохнул он, – я не всевидящий. Сейчас я знаю, что мне надо ехать, а уж потом можно будет подумать о возвращении.

И я совсем сникла. Любую потерю сложно принять. Ты хватаешься за последние ниточки, связывающие тебя с дорогими подарками прошлого, но чувствуешь, только как они рвутся и выskalывают, обжигая пальцы и ладони. К сожалению, жизнь в большинстве случаев даёт не подарки, а кредиты – почти всё приходится возвращать. Мерзко ощущать себя должником!

И я высвободилась из объятий друга. Я сильная физически, да и на нежный цветочек никогда не была похожа. Наверняка друг изначально ожидал от меня не слёз, а злости.

– Я... отпусти! Я ненавижу тебя, – тихо выпалила я,

но сразу же осеклась: – я не хочу, чтобы ты уезжал!

– Надь, смысла оставаться здесь нет, – абсолютно спокойно оповестил он, глядя в мои заплаканные глаза.

– А я? Я не могу быть смыслом? Лучше б ты просто уехал. И не попрощался. Я бы ещё недели две могла думать, что ты где-то рядом, в полчаса езды на маршрутке.

– Наденька, – произнёс он с сочувствием, вновь притянув меня к себе, так мягко, так искренне, что я не решилась сопротивляться. Сопротивлялась бы... если бы у меня была гарантия того, что не в последний раз он меня обнимает. Пожалуй, это единственный человек, который всегда был со мной абсолютно искренним.

И вообще, люди существа странные. Они неискренни исключительно потому, что сами заключают себя в рамки: рамки приличия, рамки-обязанности, рамки-осторожности, через которые искренность не может выйти. К примеру, не хотелось ли вам когда-нибудь просто так обнять человека, почти незнакомого, но очень вам симпатичного? Но разве вы его обняли? Ведь это непривычно и неприлично, так люди не делают, только посмотрят косо, ещё сумасшедшим посчитают, поэтому вы вынужденно стоите в сторонке, смотрите на этого обаятельного товарища и скрыто продолжаете получать удовольствие лишь от его вида, не рискуя репутацией нормального человека. Она, эта искренность, дремлет у них где-то внутри, но гниёт и погибает из-за страха перед взаимностью. А от гнили внутри самый добрый человек на пла-

нете постепенно станет измученным и злым. Люди нынче редко ищут близкий контакт ради тебя настоящей, они могут общаться с тобой для повышения собственной самооценки, ради того же приличия, по-привычке, потому что подлизы, но на тебя настоящую им будет абсолютно плевать. В моём окружении честен по отношению ко мне только Игорь. Рамок у нас с ним нет и вовсе, а обнимал он меня, только когда сам этого хотел. Знал бы кто, насколько для меня важна эта честность и насколько трудно её найти. Но, впрочем, есть ли смысл во всём этом, если Игорь совершенно точно решил отсюда смыться? Без сожалений. Хладнокровно. Как назло, безоговорочно отстояв свою правоту одной лишь чистой совестью.

Игорь уткнулся лицом мне в волосы – так, что его спокойное дыхание чувствовалось возле уха, я ощутила, как его тёплые губы коснулись моей шеи – и я обессиленно опустила голову ему на плечо, всхлипывая и безмолвно рыдая, отчаянно пытаюсь пересилить в себе маленького обиженного собственника. К сожалению, я всё по-прежнему понимала.

– Удачной дороги.

Я пытаюсь себя изучать и знаю, что отходчивость – одно из моих замечательных качеств. Прошло около месяца – и, в принципе, я почти перестала считать себя отчасти ущербной, чего-то лишённой, хотя удар по самооценке был перенесён весьма болезненно и не до конца. Остался едкий

неприятный осадок, который бывает от очень сильных впечатлений, но уже давно полученных, исчерпавших самих себя и почти забытых. Вы когда-нибудь выступали на сцене детского садика? Было, что вы забыли слова и с перепугу разревелись у всех на виду? Правда ведь в том далёком детском садике хотелось провалиться сквозь землю от такого позора и досады, казалось, что жизнь кончена и что ты самый несчастный и неудачливый человек в этом мире? А сейчас и вспомнить немного смешно, так мило, даже забавно, вот, мол, какой стыд и срам, но с кем не бывает; а осадок этого позора остался, ведь именно с того момента в моей жизни я узнала, что такое позориться. Теперь осталась одна маленькая, но неимоверно сильная эмоция, из-за которой я по-прежнему перед выступлениями выучиваю свою роль до автоматизма, хотя сцены ни капельки не боюсь.

Похожий осадок остался и после отъезда друга, только в этот раз я знакомясь не с позором, а с прощанием, с этим самым невоспринимаемым человеческим мозгом понятием «никогда», даже, можно сказать, со своеобразным предательством. Но, впрочем, сначала всё кажется куда страшнее, чем есть на самом деле. Игорь больше ни разу не звонил и не давал о себе знать – но ведь и не должен, я ему не девушка и не жена и никогда ею не была, поэтому постепенно вся ситуация уложилась в моей голове. Никто не заметил, что я маленько поревела в подушку и поругалась с воображаемым собеседником, несколько дней помолчала и каждый

день на протяжении недели скрылась от чужих взглядов в горах, но вскоре всё уладилось. Кроме того, в отсутствие Игоря у меня, оказывается, было намного больше свободного времени, чем я предполагала.

Первые две недели сопротивляться уже закоренелым привычкам (к примеру, звонить Игорю или приезжать к нему) было невыносимо. Несколько раз я ловила себя на том, что уже держу в руках телефон с намерением сообщить другу о красивом закате, пару раз автоматически приходила на его улицу и только возле дома внезапно понимала, что идти не к кому. И мне ужасно надоело, что с любимым моим маленьким приключением постоянно проскальзывали мысли о том, что это надо непременно рассказать Игорю. Рассказывать теперь всё это было некому, приходиться ко мне – тоже было некому, как и выливать душу, и показывать фотографии, и советовать понравившиеся книжки – некому. И проблему эту я решала не самым лучшим способом. Помимо плаванья и литературного кружка, куда я пошла исключительно ради общения, я без всяких угрызений совести отправлялась с новыми знакомыми на вечеринки, в клубы и на сомнительные концерты – словом, как говорится, «ушла в загул». Однако же, пара пробуждений с напрочь отшибленной памятью и незнакомыми людьми и несколько ночей, проведённых в обнимку с унитазом, всё же убедили меня в том, что так делать не нужно – и я записалась в туристическую организацию, работавшую на базе нашего института. После

первых двух походов с новичками мне стало скучно, потому что их походы больше походили на кратковременные вылазки в соседний двор (я, конечно, утрирую), и меня решили отправлять с теми, кто ходил уже давно. В первом походе ко мне настырно приставал какой-то старшекурсник, к которому в свою очередь настырно приставала половина женской команды (цирк, не правда ли?), а во втором походе я поняла, что никто из группы не собирался отдыхать на природе, а шёл сюда исключительно с той же целью, с которой другие ходят в клубы. И теперь решив, что уже вокруг меня сформировался хоть какой-то коллектив (интересные люди всё же попадались), я радостно «помахала ручкой» и литературному кружку, и плаванию, и клубам, и туристической организации. Увлечения мои стали спокойней (это я про вечеринки), немного безопасней (это я про гастролирующий цирк, называемый походами), а потом и вовсе превратились в мою обыденную жизнь.

Но, спустя два месяца после отъезда Игоря, меня ожидала ещё одна небольшая встряска.

У нас – и у меня, и у него – очень развита интуиция. Собственно, по её настойчивым сигналам мой друг и решил так спонтанно покинуть город. Я не интересуюсь политикой, да и вообще, те моменты, когда я осведомлена, что происходит в мире, можно пересчитать по пальцам. Думаю, даже если бы началась война, я бы об этом узнала, только когда передо мной упала бы ядерная бомба. Сейчас я не особо поняла

почему, но мы всей семьёй переехали к своим родственникам за тысячу километров от нашего городка. Тут даже мне стало ясно, что в мире всё не так замечательно, как я себе представляла. Мне было нестрашно, я знала, что скоро что-то произойдёт, и просто объясняю, почему нам пришлось переехать – и, честно сказать, единственным, по чему я ужасно скучала, были горы. Они, наверно, служили последним напоминанием о недавнем друге-походнике. Но, впрочем, эту поездку можно было воспринять, как ещё один поход.

Хотя кое-что всё же запомнилось, несмотря на то, что дорога оказалась слишком короткой и я даже не успела ощутить дух путешествия.

Я на самом деле очень люблю вокзалы и аэропорты. И очень долгое время я не могла понять, почему именно. В голову приходили совершенно бессвязные мысли, догадки и причины, объясняющие мою любовь к подобным местам, но основное вывести так и не удавалось. Но поскольку мне часто доводилось бывать в дороге, я всё же смогла сформулировать и упорядочить ответ на этот вопрос. Аэропорты и вокзалы прекрасны отсутствием менталитета. Менталитет – это, по сути, своеобразная дань стадному инстинкту. А здесь, на платформах, в залах ожидания, станциях и перронах, собрались представители самых разнообразных городов и стран – и каждый со своим менталитетом. В итоге только в пути есть возможность увидеть общество отличающихся друг от друга людей. Каждый человек в пути – индиви-

дуальность, каждый оригинален и интересен своей историей. И как ни странно, чем больше человек переезжает с места на место, тем слабее на нём отражается менталитет его родного города. Таким образом, путешественники и вовсе представляют собой отдельный круг людей, не несущих в себе признаки какого-либо места – они несут в себе свободу. И они уже создают новый менталитет, единственной объединяющей чертой которого является несхожесть.

Я знаю много людей, живущих в дороге и приспособившихся спать в электричках, палатках, машинах и во многих других местах, не похожих на пуховую перину. Они в сущности своей сильны духовно, они выносливее любых спортсменов и вместе с тем предельно спокойны внутренне. Особенно это проявляется у походников – они вообще удивительны своей способностью выживать. Это люди с душой, стремящейся к развитию, и с сердцем, переполненным здорового удовольствия. Увы, к удовольствиям, преподносимым природой, надо привыкать и учиться их воспринимать как радости, а не издёвки судьбы. А вы попробуйте протащить по горной крутой тропе тяжеленный рюкзак с палаткой, едой, одеждой, а, возможно, и гитарой в придачу, и останьтесь при этом в состоянии видеть красоту вокруг себя. Попробуйте встать в половину четвёртого утра и с детской песенкой о завтрашнем дне и сегодняшних началах пройти по устью наполовину пересохшей реки вверх, просто чтобы к вечеру добраться до крутого скалистого обрыва

и посмотреть с него закат. Попробуйте пожить недельку без душа, купаясь в озере, поживите всё это время без Интернета, электричества и телефонной связи. А теперь представьте, от всего вышеперечисленного походники получают удовольствие, совершенно искреннее, без всякого притворства.

Я и сама далеко не всю жизнь была таковой, ведь росла я в городе, с родителями, очень редко бывающими в походах, и, если честно, после первого длительного похода с Игорем и его товарищами у меня был моральный шок. Тогда мне было около пятнадцати лет, всем остальным – от двадцати до двадцати пяти, что тоже меня немного смущало. Я совершенно не поняла радости спать впятером в одной палатке и ни капли меня не вдохновило ночное купание в речке, мало того, не радовалась я и от того, что питьевая вода была только в той же реке, а чтобы попить чай, приходилось разводить костёр и ждать полчаса, пока чайник вскипит. Однако подобные настроения бушевали во мне только в первый раз, как, в принципе, и предвидел мой друг-походник. Во втором походе, на этот раз пятидневном, я открыла для себя, что спать впятером – это вовсе не странно, а тепло, купаться в речке – не страшно, а весело, особенно, когда выходишь из воды и идёшь, мокрая, обниматься к ещё тёплым друзьям, чай можно и подождать, а речная вода очень мягкая и сладковатая на вкус, кроме того, полезная.

Словом, я по натуре тоже походница, но волей судьбы бывающая в горах исключительно тогда, когда без гор уже ста-

новится никак. В горах ты чувствуешь себя частью природы, ты настоящая и честная своей естественностью. Ты просто начинаешь жить. Мало того, именно в подобных условиях удивительно быстро происходит духовный рост. На твоём лице чаще появляется улыбка, в голове наводится порядок и исчезает ощущение времени, наступает такое блаженное умиротворение, что перестаёшь верить в то, что существуют какие-то проблемы – их придумала цивилизация. И странно: долгая дорога и на внешности свой след оставляет. Я уже молчу о том, что по возвращению из похода скидываешь килограмма три (хотя в горах тебе и это становится неважно), но глаза блестят ярче, щёки приобретают природный румянец, кожа мягче, и лёгкий красивый загар покрывает тебя с ног до головы. Меняется отношение ко всему миру, всё становится добрее в твоих глазах, а желания теряют смысл – ты становишься счастлив. Словом, дорога чудеса творит с людьми, тем она и прекрасна.

Бывало, я каталась на электричках из города в город: либо сама развлекалась, либо с Игорем устраивала маленькие путешествия – это неважно, я о другом. Кого только в этих электричках не увидишь. Чаще, конечно, моими попутчиками были студенты и всякие бабушки, направляющиеся в соседние посёлки продавать абсолютно всё, что растёт близ их дома, но иногда попадались действительно интересные люди.

В тот раз мы с Игорем возвращались из двухдневного похода за Чёрным озером, устали, надо признать, неимо-

верно, и поэтому почти всю дорогу мой друг, бесцеремонно положив голову мне на бёдра, спал мёртвым сном под стук колёс. Напротив нас, через проход, сидел очень приятный на вид мужчина, очень спокойный, иногда начинающий дремать. Он был небритый, с отросшими тёмно-русыми волосами, голубоглазый, в старой, затёртой кожаной куртке. И в общем-то с виду он был обычным человеком, но было в нём что-то, из-за чего его хотелось беспрерывно рассматривать. Это был человек очень обаятельный, тёплый изнутри. С такими приятно просто находиться рядом: они уже своим присутствием умеют непроизвольно внушать ощущение безопасности и повышать настроение. Короче, всю дорогу, пока Игорёк спал сном младенца на моих ногах, я бессознательно пялилась на этого симпатичного человека, который, наверняка, не обратил никакого внимания на моё скромное присутствие, даже несмотря на то, что вагон был практически пустой. И вот под конец нашей совместной дороги мужчина, кажется, заволновался, или, может, напротив, ожил. Он выключил плеер, вытащил наушники из ушей, стал часто проверять время, оглядываться по сторонам – и я уже начала подумывать, не связан ли он с мафией, контрабандой или наркоторговлей. Уже проснулся Игорь и совершенно не оценил моей симпатии к незнакомому дяде – мой друг, знаете ли, не имел привычки на мужиков заглядываться, – и я уже отвлеклась от нашего попутчика, но... о боже! – это был самый страстный поцелуй, который мне доводилось видеть

в своей жизни! На перроне мужчину ждала весьма красивая девушка, бросившаяся к своему молодому человеку, стоило ему сойти с электрички. Блаженно закрыв глаза, он целовал её алые от природы губы, бережно обнимая её, будто пряча на своей широкой груди и защищая от всех бед земных. Для них не существовало ни перрона, ни этого вокзала, ни людей, ни электрички, на которой мы приехали, – они были вдвоём настолько настоящими, что я ощутила себя мёртвым посредственным существом. На мгновение я пожалела и о том, что не читаю любовные романы, и о том, что неделю назад рассталась со своим парнем – он был хоть и не такой красивый, как этот мужчина, но сейчас он бы устроил меня полностью! – пожалела и о том, что ездила в этот поход с Игорем, а не со своим потенциальным мужем. Я тоже хочу так любить, я тоже хочу быть настолько нужной кому-то. Знаете, у меня даже промелькнула идея устроить подобную прелюдию с другом – прямо сейчас, на вокзале, у всех на виду! – но, я думаю, Игорь бы не оценил. Собственно, не было ничего удивительного в этом поцелуе совершенно незнакомых мне людей, но что по сути своей может быть прекрасней поцелуя, который произошёл так внезапно и одновременно так желанно? Они ведь ни единого слова сказать друг другу не успели. Что может быть прекрасней поцелуя, случившегося не из-за бесчувственных человеческих инстинктов, а из-за любви? Я знаю, они любили друг друга куда сильнее, чем способна любить я – человек внимательный и сверхчув-

ствительный, но влюблённость и симпатию способный контролировать мозгами, а они – нет. Они целовались не для показухи, не для чужой зависти и не по-привычке, а просто потому что так желали встречи, что эмоций хватило только на это. Знал бы кто, насколько я была счастлива за них! Просто такие люди служат подтверждением, что существует ещё настоящая любовь, существует она, я её видела!

В иной раз я ехала в электричке в гордом одиночестве. Ехала в близлежащий город узнавать, что мне нужно, чтобы поступить в один весьма престижный вуз (как позже оказалось, богатого папы вполне достаточно). В тот день я встала очень рано, а легла накануне, наоборот, очень поздно, поэтому планировала вздремнуть во время двухчасового пути, но разве поспишь с моим обострённым вниманием?.. На ближайшей станции в вагон зашли двое: мужчина лет пятидесяти, выглядевший тем не менее достаточно молодо, и вместе с ним очень миниатюрная женщина, которую со спины можно было принять за его дочку. Как ни странно, эта парочка насторожила не только меня, почему-то на них стали оглядываться почти все, кто находился в вагоне. Эта пара сидела тихонько, никого не трогала, разговаривала о чём-то увлечённо. Сразу было видно: люди активные по жизни, не способные усидеть долго на одном месте, возможно, походники в прошлом, хотя я ещё не встречала походников в прошлом – настоящие любители природы и в старости молоды. Но тем не менее ехали они явно не на природу

отдохнуть – одежда явно не для походов. На руке у мужчины были дорогие часы, а вместо сумки – кожаный чемоданчик. Женщина, будучи далеко не красавицей, производила удивительно приятное впечатление. Она была по-девичьи мягка и грациозна в движениях, внешний вид был продуман до мелочей, впредь до начищенной до блеска серебряной брошки возле воротника или тонкого кольца, так гармонирующего с брошкой. Тёмно-русые волосы, ещё не тронутые сединой, были стянуты в тугую косицу, спускающуюся ниже пояса, умные серые глаза беспристрастно смотрели на собеседника, но взгляд выражал детскую заинтересованность во всём происходящем – как у наивной энергичной девчонки. В общем, выглядели эти двое несколько иначе. И вот, после получаса увлечённого разговора они достали из кожаного чемоданчика ноутбук. Я уж думала, что вопреки своему аристократическому внешнему виду они вдруг включают какую-нибудь глупую компьютерную игрушку, но нет: ближайшие минут пятнадцать женщина что-то печатала под диктовку мужчины, иногда вступая с ним в диалог, видимо, поправляя его мысли, а потом я узрела то, что объяснило мне все странности этих людей. Когда женщина выключала свой маленький ноутбук, я умудрилась разглядеть заставку на рабочем столе. Там был какой-то логотип и значилось большими буквами: «Клуб современных писателей-фантастов».

И, впрочем, кого только тут не встретишь. Порой кажется поразительной судьба человека, сидящего рядом с то-

бой, а иногда и твоя жизнь удивляет твоих случайных попутчиков. Именно здесь происходят самые непредсказуемые встречи, именно здесь ведутся самые честные разговоры и произносится оправданная ложь, и именно здесь слова нелепы, но значат куда больше, чем поступки, здесь происходят самые горькие прощания и самые страстные поцелуи. Именно здесь – распутье, на котором вершится человеческая судьба, здесь – перекрёстки жизненного пути. Это пересадочные станции, антракты в спектакле, перемирия на войне. Это маленькие отдельные миры, которые немного выпадают из реальности, являясь одновременно крутым поворотом твоей дороги и пунктом временного отдыха, началом чего-то нового и неизведанного и концом чего-то старого и изученного. Это совершенно мистические места. Но, может, я слишком философски отношусь к этому вопросу.

Прекрасен образ пути. Он никогда не бывает одинаковым, а смысл дороги никогда не бывает понятен до конца. И прекрасен путь исключительно тем, что является по природе своей доказательством твоего развития. Всегда ли вы жили в одном месте? Я, допустим, провела несколько лет раннего детства в деревеньке, по размерам сравнимой с маленьким городом. Я очень хорошо запомнила крутые берега приветливо-прохладной речки; солнечные поля ржи, возвышающиеся надо мной, маленькой, золотистым шатром; с невысказанным восторгом и радостью, запечатлённой в детских глазах, я трогала бархатные перламутровые лепестки сиренево-ро-

зовых ирисов, растущих у бабушки в саду; и совершенно безоговорочно я верила тому, что майские жуки называются майскими, потому что посланы принцессой Маей разбудить предстоящее лето, заснувшее в чашечках жасмина и гроздях бабушкиной сирени (откровенно говоря, не помню, кто для меня сочинял такие сказки). Побывать вновь в деревне мне довелось только спустя десять лет – и мне стало действительно страшно оттого, насколько сильно повлияло на моё восприятие это десятилетнее путешествие. Берега возле местной реки больше не казались такими опасными – ведь я стала в два раза выше; рожь вовсе не возвышалась надо мной, хотя вызывала не менее приятные впечатления – вы только представьте: бескрайнее море охристо-золотистой ржи, волнами перекатывающейся под дуновениями свежих ветров. Прекрасны были и бабушкины ирисы, которые я теперь не тыкала пальцами, а созерцала с одухотворённым видом; и теперь я знала, что майских жуков называют майскими просто потому, что появляются они в мае. Теперь все эти вещи не стали в моих глазах хуже или лучше, они стали другими, настолько другими, что перестали быть самими собой. Мои крутые берега остались в раннем детстве, а теперь у меня были берега другие, вполне пригодные для спуска к реке. Вот оно – путешествие... Уехав раз, ты никогда не сможешь вернуться назад, и никогда ничего не останется прежним. Всё, с чем мы когда-либо расстаёмся уходит в небытие, но вместо этого наступает новое. И это нормально. Взгляды на жизнь

должны меняться, это простое подтверждение работы мысли, подтверждение обыкновенного и такого удивительного развития. Вот она, дорога в десять лет, в миллионы километров и в миллиарды впечатлений... Это два драгоценнейших подарка от жизни: развитие и память. Развитие – всегда нечто новое, память – сокровищница пережитого. И для развития дороги необходимы, как воздух, будь то поездка на курорт или смена места жительства. Путь заставляет размышлять, хотя и не всегда о хорошем, к примеру, как в этот раз. Увы, думала я вовсе не о бабушкиной сирени и майских жуках, оставшихся так далеко позади.

Если сказать обобщённо, дорога выдалась не менее грустной, чем осенняя погода.

По приезде я вполне успешно освоилась в университете, куда с лёгкостью перепоступила, быстро нашла общий язык с однокурсниками и преподавателями – я компанейский человек, хотя большую часть свободного времени предпочитаю проводить в одиночестве. Меня не особо смущало расставание с прежней жизнью, и не особо напрягала политическая обстановка, из-за которой нам пришлось покинуть город. Благодаря интуиции, я, как и мой друг, всё знала заранее, только на подсознательном уровне. Словом, я по-прежнему чувствовала себя относительно спокойно и чем-то даже была довольна. Моя старая жизнь становилась без Игоря слишком пустой, слишком много в ней вещей, связанных с ним настолько, что исправить что-то в настоящем уже бы-

ло невозможно. К примеру, из-за Игоря я вконец рассорилась с двумя замечательными подругами и рассталась со своим молодым человеком – он был ревнивым товарищем. Собственно, подруги тоже ревновали, но если с этой проклятой дружеской ревностью ещё можно было что-то сделать, то некоторые аспекты дружбы с Игорьком совершенно не прописывались в понимании моего бывшего как исключительно дружеские. И парнишка был вовсе не виноват в том, что не воспринимал наши с Игорем драки подушками и нашу любовь покусать друг друга. Просто он человек другой, ну а я не настолько его любила, чтобы отказываться от общения с другом. Это был один из тех случаев, когда дружба оказалась сильнее любви. Да это и не любовь была, а влюблённость. Впрочем, не суть... Проблема в том, что в той старой жизни, в моём городке, после исчезновения Игоря, осталось слишком много пустых мест, которые чем-то надо было заполнять, а чем, я не имела ни малейшего представления. К примеру, по субботам я привыкла приходить к нему и пить чай с чабрецом, сидеть до полуночи и обсуждать книжки. Я привыкла как минимум раз в неделю идти после учёбы не домой, а к другу на ночёвку. Даже если мне нужно было делать домашнее задание, я приезжала к нему, готовила обед или ужин, рассказывала, что происходит в моей жизни, помогала по дому, иногда даже вещи ему гладила, а свои задания оставляла на ночь и вследствие благополучно засыпала где-то на середине, а просыпалась уже утром

где-то под боком у друга, отдохнувшая и накануне перетасченная Игорем на кровать. А теперь это время у меня было свободно и потеряно одновременно. Но благодаря переезду, смене привычной обстановки, все чёрные дыры на душе удалось залепить новыми событиями. Кроме того, мне пришлось досрочно сдавать сессию, чтобы быстро перевестись в другой университет, поэтому сидеть на месте и меланхолично вздыхать, надеясь на внезапное снисхождение жестокого неба, мне пришлось совсем недолго.

Жили мы теперь у бабушки, которая оказалась очень рада нашему приезду. Здесь собралась почти вся наша семья, включая двоюродных и троюродных братьев и сестёр, дядей и тётъ, многочисленных племянников и просто родственников, кровную связь с которыми установить было сложно, но, к счастью, всё это семейное изобилие проживало не в бабушкиной квартире. Все они, как единое доисторическое племя, кочевали из одного дома в другой в качестве гостей, а у бабушки сидели чуть ли не круглосуточно, ибо пирожки были только у неё. К толпе в своей новой обители привыкнуть было сложно, но я и с этим смирилась. С другой стороны, из-за обилия народа в доме никогда не было скучно. Я всегда могла пойти на кухню и помочь бабушке с готовкой, могла обратиться к маме с просьбой погулять со мной, могла поднапрячь двоюродных братиков, чтоб они показывали мне местные парки, могла даже выехать в лес с дедушкой, однако пользовалась этими возможностями редко, ибо я, несмотря

на природную способность находить общий язык с людьми, являлась неисправимым интровертом. Если вы зовёте меня гулять, я всегда соглашусь на длительную прогулку, и если вы мне звоните, я не буду отмазываться несуществующими делами, а с удовольствием поговорю; но должно случиться что-то действительно из ряда вон выходящее, чтобы я кого-то позвала гулять или кому-то позвонила. И вовсе это не означает, что я отношусь к людям пренебрежительно – если я не даю о себе знать, это не значит, что я о вас не думаю. Напротив, думаю, вспоминаю, иногда даже больше, чем вы. Это странноватое качество – не извещать о себе на протяжении года – во мне принимают редко и с опаской. А зря. По крайней мере, у вас всегда есть гарантия того, что если я всё-таки звоню, значит и вправду очень хочу вас слышать. А у меня такой гарантии нет – увы.

И тем не менее, переезд пришёлся очень кстати. Я, как кошка, в первую же неделю нашла самые уютненькие места в этой большой квартире, обустроила свой уголок, сплела ловец снов, еле-еле раздобыв совинные перья в местном зоопарке, купила на стипендию небольшой клетчатый пледик и огромную чашку с изображением заснеженного города, выудила из бабушкиных «складов» в глубинах шкафа старые, вязанные цветными нитками вещи и решила, что судьба оставила их здесь персонально для меня. Кроме того, я обнаружила в соседнем доме весьма занимательное место – библиотеку, – и жизнь понеслась намного быстрее с вообра-

жаемым вылитым на бумагу миром.

Так я и жила, погрязнув во всём, что меня окружало, и хорошем, и плохом, но мне на тот момент это было нужно, как кислород. Я даже нашла неподалёку от дома секцию ушу и пошла туда, вопреки всем косым взглядам и заявлениям мамы, бабушки и многочисленных тётъ, что мне бы не помешало заняться музыкой. Я и так умею играть на гитаре – Игорь научил, – но родители об этом не знали. Они вообще смутно представляли мои способности в разных сферах деятельности. Но это моя вина. Они мной интересовались, просто в меру, не досаждая своими: «Я сказал – и точка!». Я сама редко им рассказываю, чем занимаюсь в свободное время, поэтому как личность они меня знали не многим больше друзей. В смысле, прежних друзей...

Этих друзей, кстати, было совсем немного. Помимо Игоря, ещё двое, но Игорь всегда был на первом месте. Зато всю жизнь меня окружала толпа хороших знакомых, товарищей, приятелей, но настоящий друг – один, которому я сумела простить даже предательство. А иначе и быть не могло: я не держала на него зла, но испытывала очень сильную досаду, Игоря, по факту, ни в чём не обвиняя. Ведь он действительно знал меня во много раз лучше родителей и хорошего для меня сделал куда больше, чем всё моё окружение. Он создал для меня именно такую дружбу, которая возникает между людьми спустя десятилетия тесного общения, как раз то, что мне было так необходимо. Порой я гостила

у него неделями; ни о чём не предупредив, я могла совершенно спокойно прийти из университета к нему в квартиру, приготовить яишенку и по-хозяйски спросить: «Поделиться?». Бывало, что, приходя к себе домой, Игорь заставлял меня спать в его кровати, и он к этому относился абсолютно нормально. Меня он не будил, а когда сам уставал, ложился рядом и, приобняв, засыпал у меня на плече. Он прекрасно знал, как лечь так, чтобы я не проснулась. Да и вообще, он знал меня всю до мельчайших подробностей: знал, как я чутко сплю, знал, сколько соли сыпать в салаты, знал, что я люблю носить из одежды под каждый случай, знал, какие вещи мне нравятся у него, знал, какое печенье я покупаю и в каком магазине, – словом, всем бы таких друзей, но только чтобы они не уезжали. С такими друзьями везде чувствуешь себя дома, но расставание с ними равносильно побегу из прекрасного дворца в старую тёмную хижину. Слишком тяжело потом привыкнуть жить без них, тяжело становится даже чай пить – ведь вся твоя жизнь служит одним сплошным напоминанием о проведённом вместе времени.

Тяжело. Да, даже несмотря на все плюсы, которые я нашла в переезде и смене жизни, мне было тяжело. Не хочу жаловаться, но за отсутствием понимающего собеседника я начинаю сильно нервничать.

Особенно стало туго накануне Нового года. Потому что закончилась учёба и у меня осталось слишком много времени на собственные мысли – грустно. Грустно и больно – я

вновь чувствовала себя и брошенной, и никому не нужной. Ведь по факту так и было. Друзей у меня больше нет, а у родителей не одна я. Моей сестре внимания и воспитания доставалось в большей мере, но этим я всегда была довольна. Повторю: родители всегда мной интересовались, но только в таком количестве, чтоб я не казалась брошенным ребёнком. Они особо не переживали, когда я возвращалась домой ночью и прогуливала школу и институт (я этим не злоупотребляла), и не волновались, если у меня садился телефон во время пар или если я ночевала у Игоря. Он больше обо мне заботился, и меня всё устраивало. Единственное что, я прекрасно знала, что если я, допустим, уеду учиться за границу или, предположим, выйду замуж и стану жить с мужем, никто из моих родственников не будет по мне скучать. Обычно меня этот факт радовал – так я ощущала себя свободной, – но именно сейчас он меня угнетал. Я бы хотела быть нужной. Хотя бы маме.

Под Новый год настроение совсем упало. Мне не хотелось праздновать, я бы сейчас предпочла закутаться в одеяло, немного почитать и заснуть на всю ночь так крепко, что бы меня не разбудили ни артиллерийские залпы, ни пушечные выстрелы, но прекрасно понимала, что легче мне от этого на душе всё равно не станет.

Гости уже понемногу начали собираться у нас – и в квартире стало шумно и беспокойно. Я люблю предновогоднюю суету, но сейчас она меня... не то чтобы раздражала, а про-

сто выводила из состояния равновесия. Часам к одиннадцати, когда уже подвыпившие родственники, сидя за столом, начали петь задушевные песни, я вдруг осознала, что постепенно куда-то улетаю, отрекаюсь, вхожу в иной мир. Это случилось теперь очень редко – Игорь отучил. Подобные состояния – симптомы начинающейся шизофрении, но больше контролировать меня некому, поэтому я спокойненько поговорила с кем-то воображаемым, пока все были увлечены не мной. Я говорила с троюродной сестрой. Она года два назад разбилась на машине. Странная была девушка, но, даже несмотря на дальнюю кровную связь, что-то общее у нас было. Она была чрезмерно смелой для этой жизни, наверно, даже судьба решила, что на Земле ей не стоит задерживаться надолго, но тем не менее, она любила жить, как малое дитя, и семью любила, хотя и не зависела от неё. Логично, что она будет на Новый год именно здесь, где все близкие люди поют песни и радуются жизни – празднуют... Я разговаривала с ней... Мне ведь никто не мог доказать обратное, мне никто не мог доказать, что её тут нет.

Послушав речь президента, моё семейство развеселилось ещё сильнее. Куранты пробили двенадцать раз, и на мгновение воцарилась тишина – все загадывали желание. И я тоже. Я загадала, чтоб всё было хорошо, ибо не знала, что желать – у меня всё было. Загадала и запила желание первым за сегодняшний вечер бокалом шампанского, а потом равнодушно оглядела застолье. Бабушка со своим родным братом тихонь-

ко обсуждала современный театр. Бабуля часто складывала руки в замок и потом начинала выразительно жестикулировать – я очень люблю её манеру общения, в моей бабушке есть что-то аристократическое. В отличие от них, дедушка говорил шумно, он дискуссировал с моим папой и двумя дядями о политике, размахивая пустым бокалом так, что все остальные невольно пригибались, дабы в них ничего не полетело. У дедушки очень красивые глаза – как вишни, только сейчас они затуманены алкоголем, а так очень красивые... О чём беседовали мама и три женщины, приходившиеся мне тётями, я не слышала, но довольно долго наблюдала за одной из них, с белоснежной кожей и светлейшими мягкими волосами до поясницы. Я когда-нибудь с ней пообщаюсь. Почему-то мне казалось, что человек с такими волосами не может быть неинтересным. По левую руку от меня мои двоюродные братья воодушевлённо решали вопрос, когда лучше поехать на картинг. Я бы тоже хотела погонять, но почему-то подумала, что лучше не вмешиваться.

Посидев за праздничным столом ещё минут пять, я незаметно ушла в другую комнату, родительскую спальню. Напрасно. Здесь мне лучше не стало. В горле неприятно першило, да так, что глаза слезились и непрерывно просили сна. Мне абсолютно ничего не хотелось, и подобные состояния волновали меня куда сильнее, чем гнев или страх: отсутствие желаний побуждает бездействие, а бездействие – деградацию.

Я легла лицом к стене и стала разглядывать обои, такие странные, с такими сине-фиолетовыми узорами на бежевом фоне. Потрогала, поковыряла рисунки пальцем и попыталась полежать с закрытыми глазами – ничего, скоро ведь всё кончится: и депрессия моя, стоклятая, кончится, и это шумное застолье, и университет, и жизнь, и я... и я кончусь. Почему-то мне казалось, что кончусь я быстрее всего вышеперечисленного, но грустно от этого не было, напротив, было бы неплохо сегодня «кончиться».

Лёжа в спальне, я даже не заметила, как семья ушла во двор запускать салют, и, чуть успокоив свои нервы чуть испорченными обоями, я вернулась в свою комнату.

На столе остались мои непонятные рисунки, созданные новыми кисточками, иссиня-зелёной акварелью, и покрытые грифельной плёнкой фиолетово-синих мелков; и всё ещё горел светильник – я забыла его выключить. Над кроватью еле заметно вертелся ловец снов, сплетённый из голубых и оранжевых ниток замысловатой паутинкой. За окном, которое находилось прямо напротив стола, огромными пушистыми хлопьями кружился снег, подсвеченный ярким бело-жёлтым фонарём, и бархатные заснеженные ветви деревьев ласкали синий сумрак новогодней ночи. Красиво. И тихо.

Как вдруг блаженную тишину разбил сигнал моего мобильного телефона. Немного оторопев, я прочла: «Игорь». Первая мысль, что у него украли телефон или он сам его потерял... Но в груди что-то больно сжалось – это была

несмешная шутка.

– Алло? – ответила с недоумением я.

– Да, Наденька... Не отвлекаю? С Новым годом тебя, – с привычным добродушным спокойствием произнёс он, – слушай, мы можем увидеться? Я знаю, вы переехали... Я тут недалеко...

– Что? – обессиленно выдала я, просто не веря самой себе. Нечаянно я дёрнула рукой и снесла со стола рамку для фотографий – это нервы. – Ты здесь?

– Да. Думал, увидеться, может? – повторил Игорь, и было слышно, что он улыбается.

Я оторопела. Я умерла. Я кончилась. Дома остались только я и бабушка, а идти я никуда не хотела. Разве будет бабушка против единственного человека, пришедшего ко мне в гости? Кроме того, она уже, наверное, спит.

– Приезжай ко мне. Помнишь, где моя бабушка живёт?

– Помню. Минут через двадцать подъеду.

– Ты в порядке? – отчётливо изрекла я.

– В полном, – сказал Игорь мягко и уверенно.

– Хорошо. До встречи.

Мобильник оказался на столе. Я как стояла, так и опустилась на стул. Спрятав побелевшее лицо в руки, я прислонилась головой к холодному подоконнику. И что... что дальше? Он сейчас приедет, а потом снова исчезнет на «никогда»? Это несправедливо. Это нечестно. Не по-человечески... Хотя... возможно, я просто свихнулась, и моя начинающаяся

шизофрения наконец-то дала о себе знать. Я уже ничему бы не удивилась.

Оторопевшая и растерянная, я подумала о том, что мне хотелось бы сказать этому человеку. Но я так давно об этом не думала, что ни одна мысль не пришла в голову. Я подумала о предстоящей встрече, о повторном прощании, о прощании уже случившемся несколькими месяцами ранее (которое лучше бы не ворошить) и о том, насколько второе прощание будет долгосрочнее: такое же, как и первое, месяца на три, или и впрямь – навсегда. Теперь я уже даже не знала, как к нему относиться, не знала, обнять ли его, когда он придёт, или сделать вид, что спокойно живу и так – но это было бы враньём. Я даже не могу сказать, что очень обрадовалась. Это были очень странные, неопишуемые ощущения, словно я прыгнула с обрыва в море, а упала на детский батут; словно я погладила собаку, а потом обнаружилось, что это не собака, а лев; словно я кого-то больно ударила, а он, вместо сдачи, крепко меня обнял. Но Игорь не стал бы так жестоко играть моими чувствами. Если ему надо со мной увидеться, значит не просто так и это уже не последняя встреча. Обида на судьбу, отобравшую у меня друга, больно отдалась где-то в животе, открылась старая, почти зажившая рана. Неужели и впрямь возможно рассуждать о пользе и выгоде встречи с тем человеком, который столько раз стирал с твоих пунцовых от истерики щёк самые горькие, не доверенные даже родной матери слёзы? И мог ли стать чужим че-

ловек, который засыпал у тебя на груди, никогда не желая тобой обладать? И возможно ли будет когда-нибудь не обнять человека, который, вопреки человеческой психологии, не делал из тебя того, кого хотел бы видеть, а принимал со всеми недостатками тебя настоящую? Да и можно ли поставить эту никчёмную гордость выше понимания? Ведь я бы поступила так же на его месте.

Долгожданный звонок в дверь...

Я медленно открываю, потому что руки дрожат – они всегда дрожат, когда я немного выпью.

Открываю – и внезапно оказываюсь в безумно крепких руках моего друга. Удивительно, когда при встрече до разума первым добирается запах человека, а не зрительный образ или привычное «привет». На мгновение даже голова закружилась, но момент был слишком прекрасным, чтоб пропускать его из-за потери сознания: мы как будто и не расставались, будто не виделись не несколько месяцев, а пару дней.

– Игорёша! – проскулила я ему в куртку.

– Привет, милая, – шепнул он, не выпуская меня, – рад тебя видеть.

Быстрый братский поцелуй холодных и обветренных губ остался у меня на лбу.

– Одна, что ли?

– Нет, с бабушкой. Игорь... ты потом ведь снова уедешь?

На мгновение он задумался.

– Давай потом об этом.

– Значит, уедешь?

Игорь ослабил свою хватку и выпустил меня. Он что-то хотел ответить, но я его перебила:

– Хорошо, – смиренно кивнула я, – давай потом об этом. Разувайся, проходи. Голоден?

– Нет, спасибо. Недавно перекусил, – улыбнулся он, расшнуровывая берцы.

– Ты... – я запнулась на полуслове, ведя друга за собой на кухню, где оставшиеся с праздничного стола блюда покоились в ожидании завтрака. – Ты на ночь останешься? Куда ты сейчас в Новый год-то пойдёшь?

– Останусь, – произнёс он с улыбкой, внимательно наблюдая за моими движениями – я спотыкалась на каждом шагу и периодически врезалась в мебель – наверно, это забавно выглядело.

Я поставила чайник на плиту, включив конфорку раза с третьего, вынула из буфета две чашки, насыпала в них заварку – и, естественно, просыпала мимо; нашла взглядом сахарницу, чуть не перепутав её с солонкой.

И наконец села напротив друга.

– Ты... как здесь? – спросила потерянно я. – Неожиданно, знаешь ли...

– Я сделал хороший круг. Из нашего города я сразу отправился сюда, а потом дальше, к северу, но... пришлось вернуться. Кое-какое время в горах пересидел, и... Знаешь, Надь, в принципе, это не так важно. Будет время, я тебе всё

подробно расскажу. Ты немного не в том состоянии, чтобы трезво воспринимать. От твоих эмоций и мне голову сносит, – усмехнулся он, зачем-то усердно копаясь в карманах кофты.

– Да, ты прав, наверно. Я... в шоке, мягко говоря. Зачем ты меня нашёл? Я ведь знаю, твой путь не закончился.

– Надя... потом. – И друг что-то вынул из своей сумки. – Держи. С Новым годом. – И протянул мне самодельную фенечку из кожи с вырезанными на ней орнаментами, такими сложными, извилистыми, только Игорь умел такие делать, я похожих вещиц никогда не встречала ни в продаже, ни у других людей.

– Спасибо, – изрекла я тихо, – завяжи, пожалуйста.

– Как ты? – непринуждённо спросил Игорь, закрепляя браслетик у меня на запястье.

– Да замечательно, – отмахнулась я, – перевелась в университет, пошла наконец-то на борьбу, вроде в коллектив вписалась – неплохие ребята попались, интересные, – нормально всё, в общем.

– Ну и молодец. Ты успокойся маленько. Хорошо? Знаешь, я соскучился по тебе. Очень. – Чайник закипел, и я хотела встать и выключить газ, но Игорь меня опередил. – Сиди. Сам справлюсь.

– Игорь, ты... с утра снова уедешь? Навсегда?

Юноша наполнил наши чашки кипятком, а потом, вздохнув и, видимо, поняв, что пока он всё мне не объяснит, я

не перестану всё ронять и путать соль с сахаром, вернулся на прежнее место.

– Ты же прекрасно знаешь, почему я уехал.

– А разве ты не знал, насколько мне будет тяжело это пережить? – резко отпарировала я. Руки дрожали, под столом моя левая нога отбивала барабанную дробь. Игорь прав: надо как-то успокоиться...

– Видимо, не знал, – вдруг согласился друг – и я стихла.

– И как ты это понял? Я ведь даже не пыталась с тобой связаться.

– Поэтому и понял.

– Только не говори, что и вернулся из-за этого, – огрызнулась я, но Игорь по-прежнему был предельно откровенен.

– Отчасти. Из-за тебя же я чуть не остался.

– Неправда. Я ничего не могла изменить. Что бы я ни сделала, что бы ни сказала, хоть бы кричала или билась башкой об стенку – тебе было всё равно. Ничего изменить я была не способна. – Игорь смотрел на меня упрекающе, словно я сказала величайшую чушь. – Ты ведь сам так сказал! – в отчаянии воскликнула я уже не так уверенно, но Игорь остался неизменным. Иногда могло показаться, что он вообще бездушный и жестокий человек, но я знала, что это не так, он просто считал, что его ответ очевиден. – Игорь, ну за что? Игорь, если б я только знала, что могу тебя остановить... Я же... – слова кончились. Если б умела, я бы объяснилась жестами.

– А кому как ни тебе знать, на что ты способна? Девочка, как же ты себя недооцениваешь!

– Да и в самом деле! – иронично выпалила я, – самооценка так повышается, когда ты не нужна даже лучшему другу! Это прям... стимулирует к жизни! Уверенность и смелость бьют из тебя ключом, радость лезет из всех щелей! У-ух! Красотища!

– Не ори. Бабушка проснётся. – В такие моменты его хотелось ударить. – Я не буду с тобой ссориться.

– А я и не ссорюсь! – выкрикнула я, взмахнув руками. – Я... – бессилие отбило дар речи: я чувствовала себя жестоко обманутой, мной просто поигрались, а потом выбросили, а сейчас опять достали из мусорного ведра и решили переделать меня во что-то другое. – Я же просто не знала, – тихо проговорила я, – мне было слишком плохо, чтобы я могла оценивать свои силы. – Игорь привлёк меня к себе, крепко прижимая к своей груди. – Ну почему? Почему ты думал, что я не буду переживать? – слова утонули где-то в пространстве, это уже были мысли вслух.

– Надь, поехали со мной.

И я почти убедилась в том, что это... явь. Да, я знала это заранее.

– Ну ты и сволочь. Ты не представляешь, как я насилую свой мозг последние три месяца. Игорь... ты... – я панически выдохнула, закрыла глаза и перевела дух: нет, об этом всё мы тоже поговорим позже. – Поехали, – выдала я, глядя

неимоверно широко раскрытыми глазами на него; наверно, я выглядела страшнее наркомана с десятилетним стажем.

– Будто ты раньше не знала, что я сволочь.

– Ты эгоист. Жуткий. – Глядя в его серые северные глаза, я не видела ни капли обиды или удивления – и хорошо, я просто хотела выговориться, но уже по-привычке не могла – некому было душу излить.

– Ты ведь тоже эгоистка.

– Да... – мои глаза начало печь, но слёз не было, просто стало очень страшно и приятно. Я уйду. – Игорь, поехали. Прямо сейчас.

– Чай допей, – улыбнулся друг. Он слишком хорошо меня знал, чтобы задавать вопросы по типу, уверена ли я в своём решении или выдержу ли я наш путь – он прекрасно понимал, что, если я так безоговорочно согласилась бежать, уже сама задала себе эти вопросы и сама дала себе чёткие ответы.

– Куда мы отправимся?

– Разберёмся куда. У меня есть предположения, но мы с тобой вместе решим, куда нам надо. Сколько нужно на сборы?

– У меня собраны вещи.

– Хорошо.

– Что мне сказать родителям? Можно я просто напишу записку? – Игорь только пожал плечами, мол, делай как знаешь.

Уже спустя час я сидела на переднем сиденье машины

Игоря, обессиленно запрокинув голову назад. Моя дорожная сумка и небольшой рюкзачок со всем, что нужно иметь всегда под рукой, покоились на заднем сиденье автомобиля. Рядом, внимательно следя за дорогой, был Игорь, глядящий на мир исподлобья, слишком открытый для меня и слишком закрытый для всех остальных, такой родной и близкий, спокойный... Меня бросало то в жар, то в холод. Я сбежала. И мне вроде бы должно быть так плохо, вроде должна я грустить и переживать из-за расставания со всеми ими, а я чувствовала лишь облегчение и стыд – стыд за то, что я не грущу и не переживаю. Но этот стыд пройдёт в ближайшие дни, я слишком эгоистична для того, чтобы жить виной, пусть даже виной перед семьёй.

– Что ты им написала?

– Что люблю их. И что я в порядке. И всё. Я думала, что хорошо было бы всё объяснить, но среди этих слов приписка: «Я вас люблю» – покажется не такой важной. Поэтому я написала только то, что действительно важно.

Позади нас оставалась пустая трасса, высотные дома и огни, гирляндами окутывающие весь город, только что встретивший Новый год. Ночь опускалась тяжестью на веки, в глаза словно налили чернил – тягучих, как ночное небо – но я, кажется, сегодня не усну.

– Откуда ты знала, что я за тобой приеду?

– Я не знала.

– Но у тебя уже были собраны вещи.

– Интуиция. Я просто их собрала, когда захотелось собрать.

Игорь ничего не ответил.

Откуда-то приглушёнными выстрелами доносятся залпы салютов, но я не люблю салют. В детстве я его очень боялась, а потом очень долгое время обожала эти искромётные вспышки, а сейчас относилась к нему абсолютно равнодушно.

– У нас есть какая-то конкретная цель? – осведомилась я, но Игорь лишь мельком взглянул на меня. Шум мотора усыплял, но нет, я всё ещё уверена в том, что долго не засну.

– Я бы очень хотел сказать, что у нас есть какая-то конкретная цель. Мы не можем прожить всю жизнь в дороге, но в этом городе сейчас не менее опасно, чем в нашем.

– Я не смотрю новости.

– Напрасно. Есть над чем подумать.

Высотные дома постепенно сменились обшарпанными пятиэтажками, а пятиэтажки – частными миленькими домиками, обнесёнными высокими заборами. Мы уже почти выехали за черту города.

– Хочешь за руль? – предложил Игорь.

– Давай.

И друг сразу же припарковался на обочине. Мы поменялись местами – и я глубоко вздохнула: как давно я не сидела за рулём. У меня нет прав. Никогда в жизни я не ходила в автошколу. Совершенно не знала правил дорожного движения,

но водить умела. Стоит ли говорить, благодаря кому?..

Я минуту смотрела на пустую дорогу, привыкая к водительскому месту, а потом аккуратно завела машину. Автомобиль тронулся очень плавно, и я осторожно выехала на трассу. Да, я никогда не относилась к тем женщинам, которым нельзя доверять машину, с парковкой тоже проблем нет, а уж с вождением по трассе – и подавно.

– Водила без меня?

– Нет. Кто бы мне дал? Папа до сих пор думает, что меня и к велосипеду нельзя подпускать.

Я постепенно начала набирать скорость и вскоре ехала сорок километров в час – больше мне Игорь не позволял раньше, хотя я всегда рвалась дойти хотя бы до пятидесяти.

– Ты в порядке? – осведомился мой друг – наверно, я слишком пристально пялилась вперёд. Обычно, я водила с абсолютно непоколебимым видом.

– Да, всё в порядке. – И кажется, я себе поверила, за рулём мне стало легче: Игорь уже давно выработал во мне этот замечательный рефлекс – успокаиваться всякий раз, когда я занимаю водительское сиденье. Изначально мои расшатанные нервы действительно неадекватно реагировали даже на велосипед.

– Надь, убирай газ. Тормози по чуть-чуть.

Я не хочу его слушаться. Краем глаза я посмотрела на показатели. Пятьдесят километров в час.

Внутри всё кипело, горели влагой глаза и вспотели ладо-

ни. Хотелось закричать – да так, чтоб стёкла вылетели. Кажется, я только что ощутила, как рвутся нитки... как рвутся эти канаты, связывающие меня с домом, учёбой, семьёй, да и вообще со всем, что обязан тащить на себе любой человек. Они рвутся больно, но я сама их рву, поэтому это была приятная боль, как боль в мышцах после трёхдневного похода в горы: кажется, что ты и встать больше никогда не сможешь, но одновременно с этим присутствует невероятное чувство гордости за то, что ты провела выходные с несоизмеримой пользой для своего организма. Я сама рвала все нити, так отягощающие меня.

– Надя, отпускаяй газ. Ты не в том состоянии, чтобы учиться гонять, как полоумная.

– Раз уж на то пошло, я сейчас вообще не в состоянии сидеть за рулём.

– Согласись, обычно, за рулём ты успокаиваешься.

– Тут никого нет. Не кипешуй, я в полном порядке.

– Отпускаяй газ, ты уже зашла за семьдесят...

Стрелка неопределённо дрожала, постепенно приближаясь к восьмидесяти.

– Надя, тормози немедленно! Газ отпускаяй! Ко всем чертям сейчас врежешься во что-нибудь...

– Не хочу, – почти бесшумно произнесла я, перестроившись на четвертую скорость.

Я стала гнать ещё быстрее. В округе – никого, дорога – пустая, прямая без поворотов, я бы вырулила, успела бы сре-

агировать, у меня очень хорошая реакция, но без лишних слов, сдвинувшись ко мне ближе, Игорь с мастерством ювелира бесцеремонно спихнул мою ногу с педали, заменив её своей, и взял одной рукой руль. С другим, пусть даже самым опытным, водителем я бы не рискнула вот так «водить вдвоём», но я слишком хорошо изучила его манеру вождения, поэтому могла управлять машиной согласованно с его намерениями, и мы постепенно начали останавливаться – если бы я продолжила разгоняться вместе с другом, пытающимся машину остановить, то вероятнее всего, угробила бы нас обоих.

Снежные хлопья застилали весь мир, и машина словно являлась одной-единственной обителью живого во всей галактике. Мы уже были далеко за городом, даже оглядываться не хотелось.

Я по-прежнему пристально вглядывалась в белоснежно-мягкое «вперёд», Игорь сидел рядом, молча, видимо, отчитывать меня не собираясь, – он всегда меня понимал, да и сам предложил сесть за руль, прекрасно зная, какой я сумасшедший гонщик. Он терпеливо ожидал моих слов и действий, но было ясно, что дальше вести будет точно он.

Сердце молотило по рёбрам, как детская вибрирующая игрушка, даже покалывать начало. Я всегда вела машину чуть-чуть быстрее, чем позволял Игорь, но так я никогда не разгонялась, мало того, развить скорость быстрее пятидесяти километров в час и не пыталась никогда, разве что на картингах.

Наверно, именно в этот момент я сошла с ума. Я не верила своим чувствам – впервые за всё это время я ощутила себя счастливой. Дайте человеку на необитаемом острове корабль и посмотрите на его реакцию; усыновите ребёнка из приюта и взгляните на блеск его глаз, такой радостный, полный надежды, но больше – испуганный и недоверчивый; подайте ждущему желанные письма... а теперь посмотрите на меня – я была счастливее их всех. Наполнив лёгкие пьянящим воздухом и спрятав лицо в разгорячённые руки, я обессиленно положила голову на руль. Из глаз брызнули горькие слёзы, больно сдавливающие горло. Спустя пару секунд я уже всхлипывала Игорю в плечо, окончательно поверив в его возвращение. В одно мгновение до меня дошло настоящее положение дел, я поняла, что происходило и произошло. Нет, вовсе не из-за Игоря я плакала и переживала, вовсе не он виноват во всех моих проблемах. Кажется, виновата я. А за эти два-три месяца, за которые мне не давали ни выговориться, ни пожаловаться, ни пореветь, я скопила в себе столько негатива, сколько по сути своей не способна выдержать.

Отказ от внешнего мира – это замечательная вещь для эмоциональных и впечатлительных людей. Их мозг устаёт намного быстрее, чем у других, им просто необходим отдых. Устав от человеческой суеты, сознание автоматически устраивает временное отключение. Бывало? Вряд ли... Ежедневно изматывая себя и нужными и ненужными чувствами,

я сама научилась устраивать себе маленькую отключку. Таким образом, внешне я всегда выглядела спокойным, даже немного равнодушным человеком, черпающим от реальности только то, что доставит пользу или удовольствие. Конечно, не всегда получается взять от неё только хорошее, я – не провидец и не всегда знаю, что принесёт моему сознанию пользу. Я словно живу в двух мирах, балансирую на какой-то незримой линии, которая лежит между миром сущим и миром потусторонним, нереальным, миром, уход в который, по сути, равносителен полному лишению разума и здравого смысла. Возможно, временно, а возможно, и нет. Но после подобного забвения начинаешь думать и задавать вопросы, вопреки всем человеческим устоям и привычкам. Только после пережитых трудностей начинаешь думать, размышлять; познавать, думая и размышляя; познавая, делать выводы; делая выводы, использовать результаты на практике, либо сомневаться и приходиться к выводам новым. Обидно, что думать человека заставляет только то, что больно. Тогда и возникает это ощущение потери чувств, уход от реальности, потому что мозг просто не способен воспринять столько вопросов, ответов и выводов, далеко не радостных, поверьте. Сложно представить, сколько понадобилось времени, чтобы я окончательно замкнулась в себе.

И, кажется, я говорила, что у меня нет привязки. Разве что самая незначительная. Собственно, в этом заключается свобода: в том, что ты ни от кого не зависишь, как и твои

мысли, чувства и восприятие. А представьте, как это неприятно, когда на вас никто не может повлиять: вам плохо и вас надо поддержать, а успокоить вас никто не может, потому что в вашем понимании не существует людей, которых вы можете слушать. Эта свобода противна, она же противоречит человеческой натуре, потому что человек – существо социальное, он не может без общества. И я не могу. Я знаю, не вечно будем и мы с Игорем, но он решил немного продлить нашу дружбу, в которой на данном этапе жизни я видела смысл больший, чем в обучении, любви или родителях. Кому я могла доверять в чужом городе? Себе – и всё. И да, мы максимально продлим то время, в которое будем друг для друга маленьким спасением. Уж слишком мы похожи. И да, пожалуй, когда-нибудь мы просто разбежимся по разным уголкам света. Мирно и без сожалений расстанемся, понимая, что больше друг в друге не нуждаемся.

– Т-с-с, не плач, Наденька. Нам больше не надо возвращаться, всё позади. Как бы я тебя оставил? – крепче прижимая меня к себе, говорил он.

– Оставил же. Значит, уже... была не нужна.

– Милая, никто никому не нужен. И мы с этим ничего не в силах сделать.

– Я знаю. Но... ты был мне нужен.

– Я знаю. Я бы не приехал, если б было иначе.

– Зачем? Ведь я для тебя – лишний груз.

– Все чувства взаимны. Если б ты мне была не нужна,

ты бы тоже во мне не нуждалась. Понимаешь, нужна, даже немного больше, чем я тебе. Намного больше. – Игорь потцовски поцеловал меня в волосы, а потом задумчиво выдал: – какой же у тебя бардак в голове... Я уже реально подумал, что ты решила нас обоих отправить на тот свет.

Я тихонько усмехнулась.

– Маленькая ты ещё и глупенькая. – Он, как кот, потёрся давненько небритой щекой о моё лицо, ухо и шею, чмокнул в щёку, обнял ещё крепче – счастливая у него девушка будет, обласканная, облелеянная, обцелованная.

– Ты больно взрослый, – с детским возмущением проворчала я, закрывая глаза – они сами закрывались от слёз и усталости.

– Да... совсем не взрослый, – согласился он, и было слышно по голосу – он умилённо улыбается. – Тоже маленький и глупенький.

Сквозь мои волосы почувствовалось его горячее дыхание возле уха – я знаю, он соскучился, причём по моему запаху, наверно, даже больше, чем по мне самой. Эгоист – нечего сказать, но честный, не считающий себя великим героем и не требующий похвалы за оказанные услуги. Эгоисты – все, но далеко не все способны это признать. И далеко не все способны мириться с эгоизмом чужим. Что ж... это их проблемы.

И вдруг я поняла, что засыпаю прямо так, уткнувшись Игорю в шею, склонившись над коробкой передач – знае-

те, совсем неудобно склонившись, но мне стало так хорошо и свободно. Я вообще не могу спать, не убедившись в полной безопасности и в том, что мне комфортно, а сейчас сон одолевал меня подобно обмороку. Безопасность? Комфорт? Да, с Игорем я всегда чувствовала себя комфортно и в безопасности – и тут уже неважно, где я и в каком положении. Он всегда меня защищал, даже когда его не было рядом, и... да, как же усыплял этот запах. Запах, пропитанный насквозь этой ненавистой пьянящей свободой и машинным маслом, отдающий отваром из гвоздики и бензином. Наверно, этот запах уже навечно вплёлся в мою память.

Всё.

Нам больше некуда спешить.

У нас больше нет дома.

Семьи.

Обязанностей и должников.

Вы когда-нибудь прощали всех? Вряд ли. Возможно, вам так казалось. Но сегодня я искренне отпустила весь мир. И он, наверно, тоже меня отпустил.

Из-за предрассветных лучей, исходящих от небес, покрытых с востока ватной пеленой снеговых туч, и самого снега, такого безмятежно сверкающего, томного, казалось, что лес пребывал в иссиня-серой дымке. Даже река двигалась почти бесшумно. Чёрная вода не поблёскивала и не журчала, как весной или летом, а текла медленно и умиротворённо. Обле-

деневшие берега и голые ветви, сине-коричневые, уснувшие на время от холодов, – всё было твёрдое, ледяное, холодное, бесчувственное, но честное. Зима не врёт о том, что она тебя согреет – за это её и любят, за то, что она не врёт.

Кое-где к бережкам приставали прозрачные острые льдинки – почему-то они всегда напоминали мне шоколад. Над глубокой рекой склонились мрачно-неподвижные деревья – ни дуновения, ни вдоха, ни выдоха – нет ветра.

Скрипящий под босыми ногами снег, словно хрустальный пух, перламутровые кристаллы, ломающиеся под моей тяжестью. Казалось, что ноги тают вместе со снежинками: пальцы и ступни покалывало – и вовсе не от рельефа заколоченной почвы. Тело пребывало в очень неопределённом состоянии. Даже мурашки не появлялись. Я прекрасно осознавала, какой сегодня холод, осознавала разумом, но мне было тепло. Уж слишком мои понятия «тепло» и «холодно» зависят от понятий «хорошо» и «плохо». Мне было хорошо, а поэтому я абсолютно комфортно себя чувствовала и так: стоя при морозе обнажённой на берегу еле движущейся, еле журчащей реки. Знал бы кто, какое это блаженство, знал бы, насколько приветлива река, когда она ещё не знакома с человеческой сущностью. Я для неё – такое же природное, чистое и честное создание, как птица, живущая в этих лесах. Создание, не способное причинить вред. Создание не человеческое, не злое, не замкнутое, с душой наизнанку. Собственно, сейчас я таковой и являлась: ничего от людского

мира, я естественна – и этим прекрасна. Распушенные волосы немного щекотали спину, мягко касались плеч, ключиц, груди и живота, спускаясь тёмно-русыми прямыми прядями немного ниже пояса, растрёпанные, расчёсанные аж прошлым вечером. Несколько сиреневых синяков на белых ногах, так давно не знавших летнего солнца; пара царапин на левой коленке – я не замечаю, когда успеваю ударяться. Я чувствовала себя духом, нимфой, я – настоящая, ничего не скрывающая, лишённая тайн, как своих, так и чужих, и ничего во мне не было искусственного: ни косметики, ни серёжек, ни лака в волосах, ни колец, ни других украшений, – ничего – даже одежды...

И я бесшумно ступила навстречу тёмной прозрачной воде по хрустящим шоколадным берегам. Вдохнула поглубже. В такие моменты нельзя трогать воду – она тогда покажется слишком холодной и ты не сможешь себя пересилить и в неё окунуться. Заходить надо быстро, чтобы разум и очнуться не успел, чтобы не успел понять, что ты творишь. И я резко и целеустремлённо направилась вперёд, шаг за шагом погружаясь в невероятно ледяную воду. Мгновенно исчезло тело – я его чувствовала лишь из-за колющего холода; дыхание отшибло, даже появилось ощущение удушья, но, нырнув в реку с головой, я сразу же оказалась на берегу. Я снова существую, я снова вместе с телом! По сравнению с зимней речкой воздух показался горячим, а земля приобрела некое подобие пола с подогревом, хотя несколько секунд на-

зад была не теплее камня. Вместе с обжигающе-холодной водой все дурные мысли и невысказанные обиды утекли вниз по течению бесформенной, ни во что не воплощённой массой. Вся тяжесть прошлого, все необдуманное и не успевшее побудить никаких действий эмоции исчезли, утонули в прозрачно-тёмной реке. Ты словно возрождаешься из пепла, как птица феникс, ты словно начинаешь всё сначала, это новая жизнь без откладывания её на «завтра», это новая жизнь, которая начинается сегодня. Ты – разрисованная раскраска, разгаданный кроссворд, выученная наизусть проза, просто вещь, столько раз использованная, но уже забытая, исчерпавшая свою надобность. Но эти неприятные ощущения остаются в реке, утекают в испепеляюще-холодной воде. Ты чувствуешь, что у тебя отобрали все эмоции – абсолютно все: и пустые обиды, и разочарования, и стыд, и боль от расставаний, и радость, и дружбу, и любовь – но разве отобрали?.. Не отобрали, а освободили. Я – белый лист бумаги, новый холст, на котором жизнь вновь будет создавать свои шедевры, писать свои замысловатые картины. Я чувствовала себя лишённой абсолютно всего, что у меня было, но и в то же время освобождённой от тяжёлой ноши прошлого. Оно – прошлое – мне больше не хозяин и не судья, я теперь создаю другое прошлое, обязанное воплотиться в настоящее в самом скором времени.

Вернувшись к поляне, над которой склонили свои ветви заснеженные деревья, где я оставила полотенце, я быстро

укуталась в него – сейчас для тепла этого было больше, чем достаточно. Да и не хотелось вовсе одеваться, не хотелось прятать всю природную грацию нагого тела в клетке одежды.

– Ты похудела. Тебе килограмма четыре набрать на помешало бы, – произнёс с серьёзностью в голосе Игорь, когда я, укутанная в полотенце, присела рядом с ним на капот машины, застеленный плотным цветным покрывалом.

Я ему ничего не ответила. А что я могла сказать? Вряд ли в нашем путешествии мы будем полноценно и плотно питаться и я наберу те самые четыре килограмма. Да и к тому же не очень хотелось разговаривать.

– Может, лучше оденешься?

Я безэмоционально посмотрела на Игоря, недавно, как и я, искупавшегося в речке. На нём самом были только джинсы и берцы, и сам он, похоже, одеваться не торопился.

– Тебя смущает мой вид? – без улыбки пошутила я. – Или сброшенные четыре кило?

– Да не особо, – хмыкнул он, – не лето всё же, деточка, блин.

– На себя посмотри, – умиротворённо посоветовала я, – сам тут с голым торсом гуляешь, а мне что, нельзя? – спокойно спросила я без капли возмущения – для гнева и эмоций я была слишком счастливой.

– Ходи на здоровье, – усмехнулся тихо Игорь. – Не впервой. Главное, чтоб и вправду на здоровье.

Я набрала в лёгкие побольше морозного приятного воз-

духа – он блаженный, этот воздух... Закрыла на минуту глаза, буквально растворяясь в атмосфере, царящей в этом лесу. Вздохнула ещё раз – никогда раньше мне не дышалось так легко, как сегодня: ни при летнем зное и отдыхе на море, ни при осеннем дожде, ни после поцелуев и объятий. Не знаю, наверно, я совсем неправильное существо. А впрочем, неважно. Полотенце незамедлительно соскользнуло с моих плеч – оно было мокрое и уже немного меня остужало.

Игорь протянул мне чашечку от термоса с горячим чаем.

– Хочешь?

– Давай, – согласилась я и взяла у него кружку. – И всё же.

Куда мы направляемся?

Меня абсолютно не волновал и не мучил этот вопрос, скорее, интересовал. Мне не нужен был ответ, мне нужно было удовлетворить любопытство.

– На север. Будем заезжать в города, в посёлки... Где понравится, там и останемся.

– Хорошо, – ещё раз вздохнула я, выпив немного чаю.

От такого горячего напитка горло приятно обожгло, а запах возбудил какие-то смутные воспоминания: мята, ромашка, сотни километров под нами, простирающиеся резким обрывом над затуманенным городом, апрельские руки, обнимающие меня ароматом цветущей вишни. В такие моменты я засыпала от удовольствия прямо на земле, раскинув руки в стороны и чувствуя под пальцами прохладные травы и зем-

лю. Такого больше никогда не будет, но будет лучше: в самый разгар весны когда-нибудь я вновь засну под пение тёплых ветров на ещё одном краю света, засну без снов, без мыслей, но это уже будут другие эмоции, ведь в этом мире ровным счётом ничего не повторяется.

– Ты псих. По сути, ты даже не представляешь, на что обрѣк нас обоих.

– Ты псих, – так же равнодушно ответил друг. – Ты даже не представляешь, как глупо ты поступила, решив поехать со мной. Заметь, выбор у тебя был.

Я молча положила голову ему на плечо. Даже на морозе обнажённый по пояс Игорь был тёплый. В отличии от меня. Я уже совсем скоро замёрзну, моё тело не настолько адаптировано к морозу.

– Я знаю. Но оставаться там я больше не могла. Я с людьми чувствую себя незащищённой. Просто замученной, как медведь в цирке. Как какой-то инопланетянин, попавший случайно на землю. Знаешь, я бы сказала, что просто среди них чувствую себя голой, но, – я усмехнулась, – меня обычно не смущает, когда я голая.

– Я заметил, – иронично изрёк друг.

– Я там лишняя. Я там без доспехов, без щита и меча, я ведь не могу противостоять всему миру. По крайней мере, одна. И вот стою я без доспехов, совершенно незащищённая, против целой армии людей, спрятавших лица за забралами, и просто не знаю, плакать мне или смеяться от безысходно-

сти. А с тобой... а с тобой я могу повернуться к этой армии спиной и смотреть на тебя.

– Но ты ведь и так можешь повернуться к ним всем спиной.

– Нет, не могу. Ты же знаешь, сзади тебя всегда находится прошлое, к которому нельзя возвращаться. А когда я становлюсь к тебе лицом, автоматически делаю тебя своим будущим и оставляю всех этих вооружённых людей за спиной, то есть в прошлом.

– Ты удивительный человек. Один из немногих, кто так легко расстаётся с прошлым.

– Им нельзя жить.

– Но из него надо выносить нужное, – возразил Игорь и пристально посмотрел на меня.

– А я не выношу? – отпарировала я. – По-моему, даже больше, чем нужно. – Игорь, ожидая с молчаливым любопытством ответа, спокойно смотрел на меня. – Тебя же в прошлом я не оставила, хотя, это было бы правильной. Но увы, мой мозг сам решает, с чем ему жить, а с чем расставаться.

– Я бы на твоём месте меня не простил.

– Но ты не на моём месте. Это моё дело – прощать тебя или нет.

Игорь лишь пожал плечами, выразив так своё согласие.

– Да, если бы ты меня не простила, забирать из дома тебя было бы сложнее.

Я в ответ безрадостно улыбнулась, но после красноречиво

посмотрела на друга.

– Но я чувствую себя очень униженно. Я бы прожила без тебя, ведь человек всё может выдержать и ко всему приспосабливается.

– Этим я и руководствовался, когда уезжал. Но согласись, момент прощания в любом случае останется у тебя в памяти как переломный. Если б я не вернулся, я бы ничем не исправил ситуацию, но даже вернувшись, я, на самом деле, не в силах стереть тебе из головы пережитое. Неприятно быть главным героем подобных воспоминаний, а особенно, для близких людей.

– Ты убеждаешь меня в своей подлости?

– Даю тебе шанс передумать. Мы ещё не так далеко от города. Я бы больше всего хотел разделить с тобой наше путешествие, но о тебе я по-прежнему подумал меньше. Я сильно тебя обидел и, забрав тебя из дома, одновременно стал единственным родным тебе человеком. Я бы вряд ли на такое согласился.

– Игорь, только самые близкие люди и способны наносить подобные удары. Ни из-за кого другого я бы не переживала. – Лес тронуло лёгкое дуновение, речка почти безмолвно журчала у нас у обоих в ушах. – Игорь, в чём смысл дороги?

– Нашей дороги? – уточнил друг.

– Не нашей. А просто дороги. Любой.

– Ты задаёшь вопрос равносильный вопросу «В чём смысл жизни?». Разве есть на него ответ? – риторически произнёс

он – и я извиняющимися глазами взглянула на него:

– Неправда.

Игорь развернулся ко мне, чуть наклонился, чтобы наши лица были на одном уровне, и так, как он часто делает, уткнулся носом мне в шею – он слишком хорошо знал, когда мне хотелось объятий и когда мне их надо предоставлять.

– Надя, а в чём смысл дороги? – еле расслышала я.

– В том, чтобы не возвращаться.

Прильнув к Игорю ближе, я немного приласкалась, прижалась к нему. Он был теперь гораздо теплее меня – я уже совсем замёрзла.

– Ты меняешься каждую минуту. Даже если ты вернёшься, ты уже вернёшься не домой. Пусть там ничего не изменится, но твой взгляд на те же самые вещи будет уже другим, – проговорил Игорь медленно.

– В этом вся её польза. В этом вся красота любой дороги. Она никогда не повторится, никогда не поведёт тебя обратно теми же тропами, какими ты уже ходил. Так, по сути, дороги домой и вовсе не существует. Ты либо всю жизнь стремишься найти свой дом, либо всегда из него уходишь. Разве нет? Я, наверно, буду всю жизнь искать свой дом. – Я на минуту притихаю, с наслаждением концентрируюсь на чувствующемся возле шеи и плеча дыхании друга. Мне это нравилось, мне были очень приятны прикосновения других людей. В наше странное время почему-то не каждый человек способен взять другого за руку, погладить его по голове, обнять,

уткнуться носом в волосы, и я уже не говорю о том, чтобы по-дружески поцеловать. Теперь почему-то люди, как самые одичавшие животные, избегают проявлений нежности, словно она может их оскорбить и обесчестить. А я всё же придерживаюсь мнения, что, если бы люди чаще обнимались, они были бы хоть чуть-чуть добрее. – Да, буду искать свой дом... А найду, его, наверно, там, где меньше всего жду. Так всегда происходит. Все дороги ведут либо домой, либо из дома. Хотя в данном случае эти два понятия становятся синонимичными. А уезжать для того, чтобы вернуться, это всё равно что мастерить чучело на Масленицу, чтобы его потом сжечь.

– Маленькая максималистка, – беззлобно ухмыльнулся Игорь. – Возможно ведь, что нам обоим придётся вернуться.

– Нет, не придётся. Ты прав. Мы уже будем совершенно другими.

– В таком случае, смысл твоей дороги заключается лишь в том, чтобы просто по ней идти. Смысл твоей дороги в постоянном развитии, в преодолении трудностей. Но, Надя, идя без отдыха по такой дороге, ты устанешь.

– Сегодня я отдыхаю, – мягко возразила я.

– Нет. Сегодня ты совершаешь самый значительный рывок. Сегодня ты не возвращаешься как никогда раньше.

– И ты. Ты ведь тоже, забрав меня, лишил себя последней возможности вернуться. Тебе больше незачем приезжать в наш город.

– Да, – согласился друг. – Смешно, не правда ли? Нас обо-

их теперь ничто и нигде не держит, и всё, что нам дорого, без проблем помещается в мою машину. Странно, но я абсолютно уверен в том, что ты правда никуда никогда не вернёшься. Я б тебя так не ценил, если б ты нарушала подобные слова.

– Но ведь и ты верен этому решению. Ты теперь тоже не вернёшься.

– Да. И я никогда не вернусь.

Вскоре мы залезли на заднее сиденье, выудив из багажника два одеяла, вязанный плед и некое подобие подушки и решили дальше сегодня не ехать. Блаженное тепло обволакивало салон автомобиля, усыпляло мой измученный разум, и я, запустив руку в светлые волосы друга, дремлющего на моём сердце, всё говорила и говорила... Говорила всё то, что меня убивало, говорила – и тем самым убивала сама все свои страхи, которым больше никогда не суждено стать явью. А Игорь, наверно, уже и не слушал и давным-давно спал, но, несомненно, по-прежнему всё понимал.

– И разве я ничего не могу изменить? А разве имеешь ты право такое заявлять? Хотя... Ты имеешь право говорить то, что ты думаешь, и да, в этом я ничего не могу изменить. Но возьми, пожалуйста, сначала каждую нашу прогулку и уничтожь её в своей и моей памяти. Забери каждую улыбку и разбей её, как волну о скалы, устрой настоящий шторм – и пусть улыбки погибнут в нём, подобно непутёвым мореплавателям. Сначала забери назад каждое сло-

во, адресованное мне, и отдай слова мои, произнесённые случайно, произнесённые специально, невзначай, на эмоциях, слова верные и неверные, отчаянные и восторженные, и только после этого говори, что я не могу ничего изменить. Возьми каждую мысль, спровоцированную мной, коснувшуюся меня своими ресницами; выкинь из своей памяти лёд и пламя моих глаз, их блеск и грусть, их безумство и спокойствие, и из моей – глаза твои; верни мне каждое касание моих рук и вместе с ним каждое твоё чувство, возникшее под моими пальцами, под моими тёплыми ладонями. Нарушь покой каждого ночного откровения ярким взрывом солнечного света, смой ливнем каждый весенний день, попрощайся в самый неподходящий момент и не появись снова, когда ты будешь мне нужен. Забери из прошлого запах твоего тела и звук твоего бьющегося сердца, и сам забудь, как сильно и неровно бьётся сердце моё и как пахнет от меня – акацией и ванилью, как ты говорил. Забудь, что ты чувствовал, касаясь своей щекой моих волос, касаясь губами моей шеи и плеч, да и просто касаясь меня, забудь каждый вдох, сломай крылья каждому выдоху, а потом только говори, что я ничего не могу изменить. Разломай, как плитку горького шоколада, желания жить, вселённые в тебя одним моим глупым желанием помочь, убей каждую синюю птицу, залетающую ко мне на подоконник, где ты оставлял хлебные крошки, просто меня – забудь. Сожги, как свёрток чёрно-белых снимков, все свои тайны из моей памяти и тогда

лишь говори, что я не могу ничего изменить. И не скучай по мне, не помни, какой у меня рост и размер ноги, сколько мне лет и сколько раз я с кем-то целовалась на твоих глазах. Не помни, с кем я целовалась искренне, и тем более, кого любила, не помни и тех, кого я ненавидела и кому сделала так больно, что не спала ночами. Забудь извечные вопросы, как ты ко мне относишься, любишь или просто хочешь дружить, впрочем, так и оставленные без ответов... Говори, что я не могу ничего изменить, когда сможешь равнодушно смотреть на мои слёзы, когда тебе не станет легко на душе от моего смеха и когда тебе будет абсолютно всё равно, откуда у меня шрамик на левой скуле, и только тогда, только когда ты искренне поверишь в никчёмность всей меня в твоей жизни, я действительно не смогу ничего изменить.

Рассвет – всегда начало

Я пробудила утро впервые, когда небо ещё не окрасилось предвестием зари. Мартовский холодный небосвод прорезался сквозь дома нежной бирюзой, и голубые капли света, срывающиеся из-за задёрнутых штор, тщетно будили пространство: времени осталось мало – если бы мы поднялись раньше, его бы стало немножко больше. Но я сразу окунулась в сон, как только ощутила реальность, оставив утру привилегию проснуться первому и в одиночестве. В момент между сном и явью меня отчаянно притянули к себе, лёгким сквозняком к разгорячённой щеке прикоснулось дыхание.

Момент между сном и явью второй раз был долгим и сильно приглушённым действительностью, в которую я упорно не верила.

Я чувствовала, периодически и случайно приоткрывая заспанные тяжёлые веки, как меня кутают в одеяло, нагретое теплом человеческих тел, а потом как я подлетаю вверх. Сладкий сон понемногу стихал, но не звучала явь, поэтому забвение отхлынуло несколько позже.

Безмолвная кухня утопала в сине-фиолетовой акварели, в окно стучались восточные ветра – но мы не впускали их. В бесшумно закипающем чайнике отражалась безмолвная кухня, утопающая в сине-фиолетовой акварели, с окном, куда стучались восточные ветра, не впускаемые нами. Ничего

в этом мире не горело, кроме синих языков пламени, облизывающих блестящее пузо чайника. Лишь на противоположенной от меня стене, где находились и плита, и мойка, и кухонный шкафчик, огненно-оранжевым полупрозрачным горячим пятном, рассекая на две части маленькую кухню, разлился свет.

Этот мягкий свет успокаивал и грел, хотя не падал на меня. Рассветный привет, вестник солнца, утренний страж, безутешный утешитель... Рыжий, как Пэппи, разрезанный на квадраты рельефом людского жилища, луч. Мягкий и холодный, но согревающий, явившийся ко мне из дня, давно минувшего, дня, который так же, как и этот, был очередным последним.

В тот последний день этот луч касался мира так же безмолвно и холодно, так же бесстрастно и мягко. Неимоверно тихая вершина оделась в белила и рассветную мантию лимонно-розовой пелены надвигающегося солнца. В палатке уже было жарко, слишком жарко, и совсем не верилось, что за пределами нашего убежища январский мороз беспощадно властвует природой. Я высунула ногу из палатки, и лучи нежно обволокли её негреющим светом. Выбравшись наружу, я обречённо глядела на пламенеющий с каждой секундой мир – рай не может длиться вечно – лишь эта мысль не даёт возможности раю длиться вечно, остальное – дело понимания. Всё было в снегу: вся долина была в снегу, и все деревья

были в снегу, и вершина, и все другие вершины были в снегу, и мои босые ноги по лодыжку тоже были в снегу, – в снегу и лучах. Безжалостно восходило ледяное сердце галактики. Горячими от сна пальцами я тронула отяжелевшую от массы серебристого снега ветку, которая нависала шатром над нашей палаткой. Обжигающим пухом, переливающимся розовым перламутром, с ветки полетели белые хлопья, погибающие на моей горячей коже, на обнажённом давно не тронутым загаром теле.

В объятиях одеяла и глубокого кресла я всматривалась в эту до мелочей изученную кухню, в руках у меня была большая чашка с чёрным сладким чаем, поставленная куда-то на бедро, и напротив моего кресла сидел Яр, смотрящий чёрными глазами в меня, как и тогда, в горах в морозный январь, в ещё один последний наш рассвет. Так уж сложилось, что расставались навсегда мы очень много раз – и каждый на рассвете.

«Я люблю тебя», – подумала я.

Я снова пробудила утро, вторично.

– Это солнце? – спросила я, глядя на лоскуты лёгкого света на стене.

– Фонарь, – ответил он, и внутри у меня что-то сломалось: ведь он так красиво горел.

– Сколько у нас осталось времени?

– Нам всё равно не хватит.

Я, не моргая, смотрела в пристальные орлиные глаза. Нет, ничего мне эти чёрные глаза не говорили и не знала я, о чём он думал. Даже в этот последний миг мы вряд ли покажем свои истинные мысли. Мне так хотелось плакать, но пересохшие глаза не выдавали меня – я уберегу его хотя бы от своей слабости. Если я заплачу, ему будет ещё больней, чем мне. Мы просто наслаждались присутствием друг друга. Каждый из нас знал, что мы можем никогда не увидеться, но воспоминания о грустном прощании испортит нам жизнь, а так мы запомним друг друга красивыми, любящими, говорившими о ерунде, сильными... Я запомню эту лавандовую кухню и каждый луч безжизненного фонаря так же, как и то январское утро, погрязшее в снегах. Я запомню Яра таким же спокойным и молчаливым с глубоким взглядом исподлобья, с распущенными, ещё не расчёсанными чёрными волосами – скоро я сама его расчешу и стяну его волосы в низкий свободный хвост, – и я запомню себя такой, какой запомнил меня он, обнажённой и укутанной наполовину в тёплое одеяло, с чашкой чая в белых руках и пшеничными локонами, лежащимися мне на плечи, руки и грудь. Я чувствовала себя красивой, и это придавало мне сил – да, пусть он помнит меня такой. И даже если не суждено мне больше со слезами кинуться к нему на шею, сегодня я этого не сделаю. Это удел встречи – плакать от радости и целоваться до потери самообладания, а сегодня – только выдержка, только сила.

У меня болели губы, и в груди что-то горело. Сильно и бо-

лезненно билось сердце.

– Я так люблю март, – задумчиво произнесла я, – выходишь на улицу – и сразу же так вкусно пахнет цветущими деревьями. Всё такое красивое, всё распускается: миндаль, вишни, абрикосы... Мне хочется вечный март.

Яр растянул губы в ехидной улыбке.

– Ты про любой месяц так говоришь.

Это был январь.

Молоком по долине разлились реки тумана, они текли из ущелий, из оврагов и обрывов, заполняя все доньшки кривых горных чашек. Деревья там были неразличимы из-за снега, и только скалы иногда сверкали серебром так, что их можно было увидеть. И небо – лёгкое-лёгкое...

Мне с раннего розового детства было интересно, что происходит в самой лесной глуши, когда она недоступна человеческому глазу, когда в ней никого нет и я её не вижу. То розовое детство рисовало избитые сюжеты пикников дриад и сатиров с этнической живой музыкой, всяких фей, эльфов; позже моя фантазия стала мрачнее: мистические существа, скрывающиеся под покровом мрака, не способные, однако, стать осязаемыми, но и без того не внушающие ничего, кроме неприятного холодящего чувства, – сейчас... А сейчас я сама ощущала себя духом дикой чащи. Сегодня я оказалась в самом центре недостижимого взглядом человеческим, мыслью осознанной. Я как будто нечаянно оказалась там, где

не должна была быть, словно я каким-то неведомым образом сбила линию своей судьбы, сошла с видимой тропы куда-то в лесные дебри и застала сию одинокую душу природы врасплох, но не за каким-нибудь постыдным занятием, а за делом весьма тихим, не тайным, просто которое никто и никогда не видит. Я сбила планы, нарушила нормальный ход событий, выпала из ритмичной и последовательной реальности, сбежала незамеченной из многотысячного оркестра посреди произведения, долгого и уже надоевшего – я за кулисами, я там, где быть не должна, где происходит другое представление. И вот я видела, чем занимается природа, когда никто не смотрит, я случайно оказалась зрителем другой драмы, сюжета которой я не читала, своей роли в которой не имела, а посему в этом спектакле была свободной и независимой от сценария. Это приятное чувство вселяло некий неизведанный покой: что-то пошло не так.

Момент за моментом поглощали меня вместе с нашим маленьким лагерем и Яром, впечатывались в долговременную память беловатыми шрамами. И даже если бы я очень захотела, я бы никогда не смогла вычеркнуть строки сегодняшнего дня из своей немисливо странной жизни. Очень обидно, что самые прекрасные мгновения иногда обречены превратиться в самые грустные воспоминания.

И чем этот мартовский рассвет отличается от того рассвета январского, белоснежного, такого же последнего, как

и многие предшествующие? И так я привыкла к неизбежному расставанию навсегда, к этой немой безысходности, что уже смирилась: уже стабильно и автоматически теряла всякую надежду вновь увидеться после каждого прощания и без ропота и возмущения, без слёз и порывов принимала жизнь без Яра. Без всего прожить можно, а без того, без чего нельзя, и не будешь; и всё можно пережить, а то, что нельзя, и не переживёшь.

У меня до сих пор чувствовалась лёгкая дрожь в бёдрах, горела грудь, но мёрзли обнажённые плечи и пальцы, так давно не обласканные летним золотом солнца. Из-за этих совершенно разных ощущений казалось, что у меня поднялась температура. Так чувствовал себя человек, уже начинающий заболеть, но обязанный пережить насыщенный день. И вот, успев посетить пару-тройку сомнительных заведений, отстояв пару-тройку долгих очередей, встретившись с несколькими важными и тяжёлыми в общении людьми и забежав на рынок за продуктами на обратном пути, он возвращается домой выжатым, как лимон, не желающим уже даже кушать и уже заболевшим. Болезнь в эти минуты наступает подобно сну, поглощая человека в себя, как пищу, обволакивая его, обнимая широкими руками. Но уже это становится приятно, уже хочется поболеть, спокойненько полежать в кровати и попить лимонного чая, тратить силы только на интересные книги и осенние фильмы. И даже кажется, что не так сильно першит горло, и голова болит задумчиво

и томно, и приятно горячо в груди, и холодно от температуры, но тепло от нескольких одеял, беспорядочно раскинувших свои крылья в твоей обители.

Жизнь, ну где мои романтические фильмы и любимый Джек Лондон? Где мой насыщенный день обыкновенных житейских проблем, после которого я буду мёртвой и неспособной даже поужинать?.. Нет, я герой не дождливого кино, а весеннего утра и несуществующего прощания. Несуществующего, потому что где-то в идеальном и правильном мире я ещё сплю, вижу красивые сны, а не мимолётные кошмары, пробуждаясь от каждого шороха, от каждого неосторожного вздоха Яра, и Яр в этом идеально-правильном мире давно канул куда-то на дно. Нас как двух любящих людей, по сути, тоже не существует, а мне ведь уже и не помнится, когда я успела стать той, кто принадлежит нереальному человеку, лишённому права на жизнь. Я не знаю, как он выдерживает. Наёмникам присуще непоколебимое и ужасающее спокойствие, но разве способна человеческая психика уместить в себе животную безжалостность и искреннюю любовь? Но как оказалось, человеческая психика может сочетать абсолютно не сочетаемые чувства и качества; совершенно противоположенные эмоции являются друг для друга контрастом, разворачивая в человеке настоящие боевые действия.

– Боюсь, мы не увидимся слишком долго, – произнёс он бесстрастно.

– Я знаю. Всё, как всегда. И знаю, что я даже не имею права спросить, где ты пропадёшь на этот раз.

– Это же ради твоей безопасности, – слабо улыбнулся Яр. – Ты и это ведь знаешь.

И я улыбнулась ответно.

– Год, возможно, полтора, – сообщил он многозначительно.

– Это звучит ещё более жестоко, чем «навсегда». Давай убьём надежду. Яр, я не хочу, чтобы я была твоим смыслом. Таким смыслом тебе нельзя жить. Я не окажусь рядом, когда ты захочешь меня видеть, просто физически не смогу тебя найти, не смогу быть с тобой, не смогу даже позвонить или написать. И в конце концов умру для тебя как смысл. А без смысла умрёшь ты. Яр, ты себя мучаешь. Не делай из меня цель.

– А что ещё мне иметь целью и смыслом, как не тебя?

– Выживание. Тогда мы действительно сможем увидеться, а не надеяться на это. Яр, береги себя. Мысль обо мне отвлечёт тебя в самый неподходящий момент.

Яр не ответил.

Я окинула туманным взглядом освещённую оранжевым светом стену мёртвой кухни. Мне упорно казалось, что на ней спит весеннее солнце, а не искусственный луч фонаря, и я невольно ждала, пока его живые следы сползут немного ниже, известив о часе более позднем.

– А о чём мне ещё думать в неподходящие моменты?

Вопрос звучал риторически и я сделала вид, что вообще его не слушала.

Но Яр медленно встал, взял у меня из рук чашку с чаем и отставил её на стол. Потом он без особых усилий приподнял меня, как ребёнка, а сам уселся в кресло, усадив меня к себе на колени и легко обняв сзади. Настолько привыкнув к его запаху, я непроизвольно начинала засыпать снова. Пахло корицей и гвоздикой, чем-то тёплым и горьковатым, ещё костром, обожжённой шершавой кожей. Это запах безопасности и уюта – для меня, и по началу мне очень сложно было поверить, что для кого-то так пахнет смерть.

Я взяла его руку в свои. Линии на его ладонях были схожи с моими, и линия жизни тянулась до самого запястья – это обнадеживало меня намного больше, чем слова. У Яра тоже длинные тонкие пальцы, как и у меня, и сильно выступают костяшки на тыльной стороне ладони. Его руки выглядели куда грубее моих, а мои – мягче, меньше и легче, его руки – смуглые и с бледными, как туман, многочисленными полосками мелких шрамов, мои – светлые, как сметана, с немного прозрачной кожей и просвечивающимися хрустальными синими венками. Выглядели они куда нежней, чем его, но я-то знаю, самые нежные руки у самых хладнокровных убийц.

– Это были хорошие два дня.

– Это были два дня нормальной жизни, – сухо изрёк Яр с некоторой завистью. – Представляешь, люди так всегда проводят время.

– Когда-нибудь и ты будешь так проводить время. Всегда.

– Нам в этот раз повезло. Мы не виделись всего два месяца. Может... удастся сократить и этот путь.

– Забудь, – легко произнесла я, – не думай обо мне на этой жуткой работе.

– Работе, – скептически хмыкнул он, кажется, хотел сказать что-то ещё, но промолчал. Сердце его стучало по-прежнему очень сильно, и я невольно начинала волноваться. Глаза мои превращались в солёные океаны. – Евдокия, маленькая моя, я устал.

В солёных океанах поднялся порывистый ветер, безумная, ледяная и лишённая тёплого сострадания буря.

– Я знаю, Яр. Ничего... Когда-нибудь...

– Я не хочу, – перебил он меня. – Мы же убили надежду. «Когда-нибудь» звучит ещё более издевательски, чем «никогда». В «никогда» надежды нет. Евдокия, я не хочу никуда ехать. Я хочу к тебе.

– Ты со мной.

– Когда тебя рядом не будет, ты не услышишь, что я хочу к тебе. Поэтому я говорю это сейчас.

– Ты не прав, – и я безрадостно, но искренне улыбнулась, убрав прядь чёрных волос с его лица и глядя в родные чёрные холодные глаза, – ты не прав, я тебя слышу каждый раз, когда ты хочешь мне это сказать. А ты слышишь?

– Всегда, когда не надо, – ответно улыбнулся он.

– Если мы очень захотим увидится, обещаю, я закажу се-

бя.

– Если ты закажешь себя, я буду следующим в своём списке.

Яр крепко сжал меня, уткнувшись лицом мне в волосы; сквозь них пробивалось его горячее дыхание – и у меня по спине пробежали мурашки.

– Ты помнишь нашу предыдущую встречу? – тихо спросила я, вновь разглядывая стену, на которой пламенел холодный след фонаря.

– Помню каждую до мельчайших подробностей, – уверенно сказал Яр, даже не задумываясь. – Заваленные снегом горы, пунцово-красные закаты и вместо рек – гладкие трассы из льда. И тебя, сумасшедшую...

– Почему сумасшедшую?

– А кому ещё придёт в голову в январе голой по снегу ходить?

– Мне не было холодно, – легко напомнила я, вновь взяв кружку с чаем в руки. Правда, больше для того, чтобы согреть замёрзшие пальцы, чем для того, чтобы допивать чай.

– Ты хоть не простыла? – поинтересовался Яр с отчаянием: он знал, что просто физически не сможет защитить меня от большинства моих нехороших приключений – даже от такой мелочи, как простуда.

– Даже горло не заболело, – заверила его я. Чёрные глаза скептически взглянули в мои, светлые и искренние – Яр мне не поверил, но снова решил промолчать. – Можно, если сле-

дующая наша встреча состоится, мы пойдём туда же?

– Евдокия, куда угодно.

Я почувствовала, как участилось его сердцебиение. Ах, если б я сама верила в то, что такая жизнь существует. Без расставаний на абсолютно неопределённый срок – от месяца до нескольких дней, от дня до всей жизни, – без постоянных опасений и без страха забыть лицо единственного дорогого человека. Жить, не считая времени, не отбирая с боем у судьбы драгоценные минуты; засыпая и просыпаясь вместе, вместе кушая и готовя овсяное печенье и блинчики с творогом. Жить, читая друг другу интересные книжки вслух, смотря фильмы в обнимку и целуясь медленно и без мысли, что повторится это, возможно, «никогда».

Что я могла ему сказать? Что могу и готова ехать с ним хоть в ад, просто чтобы питать его своими силами всю дорогу? Что и я устала невероятно от вечного ожидания либо его, либо его смерти?

С наслаждением я кожей впитывала его присутствие, запах, дух. Это была странная реакция: само помещение, в котором находился Яр, начинало немного меня пьянить. С ребяческим увлечением он перебирал мои светлые длинные волосы, гладил по голове и плечам, как любимую игрушку, и я сама автоматически закрывала веки и почти засыпала, словно и впрямь превращалось в большую ласковую куклу. Но в ушах у обоих пульсом всё ещё отдавалась фраза: «Если следующая наша встреча состоится...»

– Солнце, – безэмоционально сообщил Яр, глянув на ту стену, где несколькими минутами раньше перестал пламенеть этот яркий фонарь.

– Солнце, – эхом отозвалась я, не поднимая век. – Пора?

Яр не ответил. Убрав мои пшеничные пряди с плеч, он поцеловал меня в шею и вновь крепко обнял.

Плиты противоположенной стены озарились мягким рассветным заревом, полупрозрачным, как вишнёвый компот, и светлым, как лимонный сок.

– Яр, ты вернёшься. Я же тебя знаю, ты вернёшься.

– Если это будет зависеть от меня.

– Измени мне, что ли... Тебе ведь будет легче. Я всё равно об этом не узнаю, а ты на время будешь думать не обо мне.

Я непроизвольно жмурилась: с другой девушкой в моих глазах Яр выглядел абсурдно. А с кем мог бы выглядеть нормально, с теми не устраивают вечной любви на одну ночь. Да впрочем, это неважно. Я считаю, важно оставить возможность.

– Я подумаю над твоим предложением, – усмехнулся он. – К сожалению, ты не собственник.

– Но ты ведь тоже.

Я встала с его колен на прохладный пол, отложив одеяло на стул. Минуту, пока я понемногу допивала чай, мы молча смотрели в пространство. Я заметила божью коровку на раковине, ползущую к помытому вчерашним вечером блюдцу.

– Тебе сложно изменить, – совершенно спокойно тихо

произнёс Яр, поднявшись с кресла и подойдя ко мне почти вплотную.

– Физически – легче простого, психологически... Яр, ты мой на три жизни вперёд. Хотя бы в одной мы с тобой будем счастливы.

– Я бы предпочел в этой.

– Мы же оба знаем, что с нами произошло лучшее из того, что могло произойти.

– Это всё человеческая натура. Сколько бы жизнь ей не дала, ей всё равно будет мало. – Яр на минуту замолчал. Он поцеловал мои разгорячённые губы, лоб, щёки, ласково прижал меня к себе – всё бы ничего, но меня начинало трясти от собственных эмоций, лишь бы он этого не заметил. – Да, возможно, если бы мы радостно жили вдвоём в каком-нибудь домике и никогда не расставались, то уже давно перестали бы ценить друг друга.

– Как же сложно это представить...

Яр стоял, не шевелясь и с упоением рассматривая зелёные радужки моих глаз. Мы, как негатив при фотосъёмке. Он черноглазый и темноволосый – и я, зеленоглазая и светленькая с белоснежной кожей жителей северных стран, но всё же общего у нас было много, и, может, не столько внешнего, как внутреннего, но почему-то мне казалось, что с каждым годом я становлюсь всё больше похожей на него. И с каждым годом я становлюсь куда более практичной и менее доверчивой, и Яр – всё более молчаливым и менее эмоциональным,

а рассветы всё те же. Всё те же невыносимые начала бесконечных дней, утопленных в безграничных болотах надежды (сколько бы раз мы её не убивали) увидеться ещё когда-нибудь. И как же это было цинично со стороны нашей судьбы... ведь рассвет мог ассоциироваться с чем угодно, но только не с грустным прощанием, а каждый наш рассвет, предвещающий ещё один солнечный день, нам предвещал только ещё один неизбежный конец. Рассвет – начало, которое является концом. И кто придумал, что самая тёмная ночь – перед рассветом? Самое тёмное время начинается в нашей реальности после рассвета.

Яр ушёл через несколько минут, оставив меня догорать в лёгком догорающем рассвете – и я догорела, как свечка, во время моего маленького завтрака и неспешных сборов. Больше я не должна об этом думать.

На улицу я вышла уже к обеду, когда солнце стояло в зените, насквозь пронизывая своим светом выцветшие улицы, и только запах цветущих молочно-белых вишен напоминал мне утренний разговор: я хочу вечный март.

Чаща

Сквозь рассветную свежесть пробирался слабый запах ко-стра, но дождём пахло сильнее – и неудивительно, такая гро-за в последний раз была несколько месяцев назад. Даже лё-жа в закрытой палатке, я чувствовал, что вся долина раство-рилась в непроглядном прохладном тумане, пока город, на-ходящийся от сюда в сотне километров, утонул в непрекра-щающихся дождях на последующие недели две. Здесь все сюрпризы матушки-природы проявлялись куда грандиозней и внезапней, но кратковременней: если в городе немного ка-пало, то здесь с бездонных небес обрушивался настоящий ливень; если по городу весело прогуливался морской бриз, то здесь бушевали северные холодные ветра – зато никогда не бывало жарко. Даже в середине самого знойного лета до-лина служила спасением для путешественников, волей слу-чая оказавшихся в местных лесах. Гостеприимный и про-хладный лес погряз в светлой молодой зелени, сквозь кото-рую даже неба порой не было видно. Не зная троп или хот-я бы здешней реки, заблудиться проще простого, а найтись практически невозможно, потому что дорожки тут протоп-таны не только людьми. Кабаны, лисьи и волчьи тропы тут встречаются намного чаще, чем человеческие, а ведут во-все не к поселениям, а наоборот, всё глубже в лес. Они мо-гут резко закончиться, могут появиться из неоткуда, но в де-

ревни и сёла они точно не выведут. Благодаря подобной замысловатой топографии, про эти места ходит много легенд и страшных историй среди жителей пригородных посёлков о русалках и водяных, но на самом деле всё это просто человеческий страх – никаких русалок тут нет. Даже если бы были... давно бы сбежали – река не такая полноводная. Единственные, кто в ней живёт, это водомерки и мелкие рыбёшки. Но впрочем, своеобразие природы является только достоинством – чужие сюда не суются и, даже если очень хотят, при первой же встрече с поселенцами убеждаются, что жить здесь могут только совершенно сумасшедшие люди. Или мы...

Мы же являлись самыми долговременными жителями долины. Самыми долговременными и, пожалуй, единственными. Никто ещё не задерживался больше, чем на неделю. Да и те, кому посчастливилось здесь погостить, были действительно хорошо подготовлены к походу и физически, и морально, и материально. Поселения, обступившие горные массивы, с которых начинается долина, другое дело: их было достаточно много, и большинство из них с каждым годом всё больше напоминали города, они разрастались и обещали вот-вот перекинуться на подножья гор, но пока временили – и это радовало. Когда-нибудь и горы застроят, это неизбежно, но здешняя слишком не прирученная природа будет бороться с вырожденками цивилизации до самого конца, отчаянно и жестоко, и покорить её будет непросто.

Лениво перекатившись на спину, я с насаждением вдохнул прохладный воздух: день предстоит спокойный. Затихше возникает не только перед бурей, но и после неё; да и ветра вовсе не было.

Где-то у меня в ногах валялась груда относительно сухих дров, которые мы перетасили в палатку ещё до начала ливня. Мы сложили их аккуратно и компактно, но, видимо, кто-то слишком активно дёргал ногами во сне, и аккуратная стопка превратилась в бесформенную кучу деревяшек. В смятом виде вокруг меня лежали одеяла и расстёгнутые спальники, чья-то кофта и сестринский синенький плед – видимо, я сегодня проснулся позже всех.

Рывком поднявшись, я вылез наружу, как вдруг нечто липкое и холодное налетело на меня, чуть пошатнув назад, – и я, ещё не успевший встать, уселся на край палатки.

– Отстань от меня! Чудовище! Зачем я тебя вообще брал?! – выругался я от неожиданности. – Танька, ты мокрая, уйди от меня!

Но сестрица, звонко рассмеявшись мне на ухо, только ещё крепче меня обняла.

– Ты что, уже на речку бегала? – поинтересовался я, повторяя тщетные попытки отпихнуть её как-нибудь не обидно.

– Ага.

– Она же вся взбаламученная после ливня.

– Да нет. Уже чистенькая. Прозрачная-прозрачная, три

метра подо мной – и всё видно!

– Лягушка, – усмехнулся я, смирившись со своей участью и потрепав Таньку по мокрым тёмным волосам.

Она безумная девчонка. Совершенно неприспособленная к городским джунглям, но адаптированная к диким условиям лучше, чем Маугли. В лесу она, порой, ориентировалась, как походник с двадцатилетним стажем, а в городе в ней просыпался настоящий ничем не излечимый топографический кретинизм, полнейшая дезориентация: и она терялась, только заканчивалась территория её собственного двора. В школе прославилась, как задиристая драчуня, а по жизни была ласковой, как кошка. Родители усердно твердили, что девочка отбилась от рук, пытались всячески её перевоспитать, занять чем-нибудь, чтобы Танька более или менее не походила на белую ворону среди сверстников, но огненный нрав сестрёнки укрощали исключительно объятия и драки подушками. Я брал её в походы смело, она казалась мне намного надёжней многих попутчиков, но Таня поднималась со мной в долину только на летних каникулах, ибо в дни, свободные от школьных занятий, мы бы успели добраться только до первой стоянки. А сама Татьяна ждала подобных путешествий с невероятным энтузиазмом, вследствие чего родители начинали опасаться, что однажды я вернусь один с незаурядным сообщением, что сестрица одичала и по доброй воли осталась жить в лесу. Но вообще Таня – девчонкаобразительная и по сути своей беспроблемная, хотя, на пер-

вый взгляд, чрезмерно активная и надоедливая. Неправда. Она надоедлива только тогда, когда это никому не вредит, а во всём остальном с ней просто надо уметь договариваться. Хотя, как сказать...

Был случай прошлым летом... Участвуя в очередной школьной потасовке, Татьяна умудрилась толкнуть одноклассника так, что тот каким-то образом сломал руку. Дело было на летней практике, после которой сестрица уже собралась отбыть с моим отрядом в двухнедельный поход в долину. Она ещё с апреля бредила этим путешествием, задёргала меня всяческими вопросами по типу: «А можно мне на вершину Синеи скалки подняться?», «А можно я в новых кроссовках пойду?», «А можно я с водопада прыгну?» – она уже потихоньку собирала свой походный рюкзак, как вдруг произошла эта история с одноклассником и сломанной рукой. Родителей вызвали в школу, естественно, ничего хорошего про Татьяну не сказали, и мама, придя домой в очень шатком и двояком состоянии, заявила, что в наказание дочь никуда не пойдёт, и ни Танькины извинения и слёзы, ни мои уговоры на мать не действовали. Отложить поход до того момента, когда мать остынет, я никак не мог, поэтому, кое-как успокоив сестрёнку тем, что я возьму её в следующий раз совершенно точно, я ушёл без неё. Отряд выдвинулся рано утром, довольно быстро миновал первую гряду гор, удивительно безболезненно выдержал подъём по ущелью и раскинувшейся по всей его ширине реке и чуть быстрее, чем

предполагалось, добрался до цели. Два дня мы простояли там, пережидая туманные и дождливые дни, потом решили остаться здесь и на третий, ибо провизии мы взяли чуть-чуть с избытком, как вдруг на шестой день, считая от начала пути, к нам в лагерь из лесу явилась Танька. От одной только неожиданности я вспомнил столько ругательств, сколько не слышал за всю жизнь. Я готов был поверить, что чего-то надышался и сестра мне померещилась, но она не могла померещиться всему лагерю. Как позже выяснилось, на следующий день после моего ухода она собрала вещи и, оставив родителям записку: «Я ушла в горы» (не знаю, чем она думала, когда такое писала) – сама отправилась следом за отрядом. Шла она, понятное дело, чуть подольше нашего и догнала нас только потому, что мы остановились на три дня вместо двух запланированных. Но у меня до сих пор в голове не укладывается, как эта девчонка умудрилась в одиночку пройти весь нелёгкий путь. Там ведь... крутые подъёмы, водопады, обрывы, спуски, которые без снаряжения миновать очень трудно, там тысячи обходных дорожек и неверных троп, способных сбить с толку даже знатока этих мест, и я уже молчу о диких зверях и погодных условиях, пришедшихся на последние три дня... Я и впрямь озадачился, как Танька вообще решилась на одиночный поход: ведь умная девочка, должна соображать, на что идёт. Знал бы кто, что периодически чудится в лесу, особенно, ночью, и знал бы кто, как страшно может стать, когда засыпаешь под шум ре-

ки. Я, человек, бывающий в горах куда чаще, чем в городе, и сам пытаюсь как можно реже оставаться на ночь возле реки и уводить отряд немного выше от шумной воды, но Танька... Рассказывала она о своём путешествии весьма увлечённо, пару раз упомянула, что ей становилось немного страшно, но в целом её довольная смуглая физиономия говорила лишь о прекрасной прогулке и исполнившейся мечте – по дороге она всё-таки сиганула со скалки в речку, как с трамплина. Я слушал её и тихо шалел... Первым делом надо было как-то известить родителей о том, что их дочь уже в полной безопасности, но, чёрт возьми, как? До ближайшего населённого пункта три дня пути, связи нет, отправить Таньку обратно одну – безумие, на которое способна только она сама, – а возвращаться с ней и отрядом раньше срока – значит лишиться и удовольствия, и заработка. Оглядев наши съестные запасы, я немного воспрянул духом: мы могли себе позволить задержаться ещё на день... Воспользовавшись этим, я решил взять пример с Татьяны и побезумствовать. Идея пришла в голову и впрямь немного ненормальная. С сестринской, конечно, не сравнится (её мало, кто переплюнет), но обычно такими вещами я не занимаюсь. Взяв еду на день и оставив отряд с Танькой (что тоже с моей стороны заведомо опрометчиво), я отправился на ближайшую горную вершину. Надежда была не велика, но возможно, что с горы получилось бы дозвониться до родителей и сообщить им о подвигах сестрицы по телефону, однако, добравшись до вер-

шины и всё-таки неожиданно дозвонившись с третьего раза до насмерть перепуганной матери, в душе ликуя, я вежливо матом объяснил, что Таня живая и здоровая со мной. Я точно не помню, но похоже, мама поняла всю ситуацию с первых моих слов – к сожалению, непечатных.

Я огляделся вокруг. Как я и предполагал, гор, обступивших нас гигантскими шатрами с округлёнными вершинами, видно не было. Туман поглотил нас полностью – от ближайшей балки до самой макушки нашего холма. Казалось, что в этом мире, кроме лагеря, состоявшего из двух палаток с брезентовыми навесами, больше ничего не существует. Всё пропало, всё растворилось сахаром в белоснежном чае. И города больше не существует, и исчезли все тропы и дороги, и реки застыли во льду, и моя сестра Танька ходила купаться в небытии, в сплошной белой глазури.

– За водой надо бы сходить, – как бы невзначай сообщил мне напарник, завидев, что я вышел из палатки.

– А ты что всё это время делал? – без злобы возмутился я, потягиваясь и зевая.

– А ты хочешь сказать, Татьяна имеет право самостоятельно спускаться на реку в такую погоду? – ехидно произнёс друг, вытаскивая из второй палатки пятилитровые баклашки.

– Да по-моему, не ты Татьяну, а она тебя к реке водила. Правда, Танька?

Сестра озадаченно подняла глаза: она не слушала наш разговор – и я махнул рукой.

– Идём за водой? А то этот тудяга-проводжатый надорвётся.

Валентин (так немного иронично называли мы нашего товарища) скорчил гримасу обиженного вредного пацана, что ещё более забавно выглядело на лице тридцатилетнего рослого мужика, и продолжил заниматься костром.

Танька же, схватив пузатые бутылки, быстро оказалась рядом, готовая идти хоть в ближайшую деревню. Деревушка в двадцати семи километрах отсюда, но, на счастье, наш путь был куда короче.

И, покинув Валентина с костром в лагере, мы ушли вдоль обрыва на юг. Там примерно в пяти минутах ходьбы находился маленький родник, который уже много лет подряд обещал иссякнуть. Но, как оказалось, родник этот черпает воду из какого-то неведомого нам пресного океана, и струя, бьющая меж обтёсанных водой скал, со временем только усиливалась, что радовало всех походников, бывавших здесь.

По правую руку от нас простиралась белая бездна, на самом деле скрывающая прямую опасность – там была пропасть. Вскоре нас обступили высокие дубы с извилистыми тёмными стволами; здесь, в лесу, становилось страшнее, чем на открытом пространстве. Густая крона деревьев, через которую и в солнечные дни еле пробиваются лучи, изрытая кабанями земля, туман – мрачноватая картина, нечего сказать.

– А когда к нам отряд подойдёт? – спросила Таня, бренча при каждом шаге пустыми бутылками.

– Должен уже, – коротко ответил я, но меня и самого волновал этот вопрос. Кто знает, что могло случиться с неподготовленными туристами в такую погоду. Скорее всего, с нашим другом, обязавшимся провести их до нас, отряд просто задержится часа на три, но это лучший вариант. Возможно, эта несчастная шайка студентов и вовсе осталась в городе, испугавшись дождей, но практику им всё равно проходить надо, поэтому в ближайшие дня три они точно прибудут сюда. Знать бы действительно, когда...

– А если они решили повернуть обратно? – допытывалась сестрица.

– Ну... пробудем здесь дня три, а потом, если отряда не будет, наведаемся в Лисье ущелье, – подмигнул я Таньке, – давно там не были, а на моей памяти, там есть несколько хороших стоянок. Идти, правда, дольше, чем предполагалось с отрядом, но зато на наших шеях будешь только ты, а не орава малолетних биологов.

Танька, хмыкнув, улыбнулась.

– Большой отряд?

– Шестнадцать человек, включая преподавательницу по ботанике и куратора группы, похожего на Энштейна.

Где-то в глубине леса ухнула сова, так недовольно, словно это мы её разбудили.

– В группе пятеро пацанов, а остальные девять – девчон-

ки, которые будут визжать всякий раз, когда увидят клеща.

Я ехидно взглянул на Таньку – она, кажется, была впечатлена не в лучшую сторону. И я решил больше сестру не расстраивать.

– Они пробудут здесь пять дней, а потом мы все вместе вернёмся в город. Яр тоже будет с нами, ему спешить некуда. – И глаза её просияли.

– И Яр останется? Вот здорово!

Надо признать, я и сам был рад, что Яр, обязавшийся привести этих практикантов, останется вместе с лагерем. Он – товарищ здравомыслящий, куда более собранный, нежели Валентин (так часто с успехом выступающий в роли клоуна), и куда более предсказуемый, чем моя сестрица. Предсказуемость, знаете ли, черта замечательная, а здесь, в условиях диких, вообще становится равносильной надёжности и вызывает исключительно доверие. Спорить не стану: и с Валентином, и с сестрой я чувствую себя уверенно – но в компании Яра могу себе позволить расслабиться и временно переложить ответственность на него, к тому же быть убеждённым в том, что, пока я наслаждаюсь природой, с отрядом ничего страшного не произойдёт.

Земля под ногами стала мягче – мы сошли с тропы вглубь леса. Обозначенное синим лоскутком материала дерево осталось позади, провожая нас мохнатыми ветвями. Мы же и оставили здесь эту метку – синий обрывок от заведомо испорченной блузки. Блузка одной недоделанной ту-

ристки стала тряпкой, спустя три часа после выхода из города, когда на пути встретились первые заросли смородины – и мы решили, что раз уж кофта всё равно испорчена, пустить её на... метки. В итоге, вполне себе симпатичная блузка стала прекрасным ориентиром на пути от нашей стоянки к роднику.

Начался резкий спуск, и мы с сестрой прибавили шаг. Сумерки леса спустились подобно туману, здесь стало прохладнее, но ветер стих, лишь иногда от лёгких вдохов природы чуть подлетали Танькины тёмные волосы.

– Миш, а почему мне друзей нельзя брать в походы?

– А мы тебе не друзья? – осведомился ехидно я.

– Друзья, но с вами я уже была в походах много-много раз.

– Тань, – с ноткой укора, присущего, скорее, старшим сестрам, чем старшим братьям, сказал я, – ну а ты не видишь разве, по каким местам мы ходим? Тут и связь-то не ловит. Понимаешь, не выдерживают нормальные люди таких путешествий, не выдерживают. А их родители тем более. Люди слабые существа.

– Ну я мальчишек возьму. Они сильнее.

– К сожалению, Тань, принадлежность к мужскому полу вовсе не гарантирует принадлежность к сильным людям, а принадлежность к числу сильных ничуть не мешает быть женщиной. Поэтому, не показатель.

Таня разочарованно опустила глаза. Бедная девочка: она даже понятия не имеет о том, что сильнее пяти своих сверст-

ников, взятых вместе; она не способна пока понять, что кто-то другой не получает удовольствия от таких вещей, которые становятся чем-то бесценным только с приходом мудрости. Видел бы я в её окружении хоть кого-то, кто выдержал бы наш образ жизни, взял бы под свою ответственность и по собственной инициативе, а так... пусть уж лучше носится Танька по обрывам наперегонки с Валентином и купается под водопадами с Яром, а с друзьями из города – дерётся в школе и не жалуется.

– Ты странно к людям относишься, – вдруг выдала сестрица.

– Это почему? – хмыкнул я.

– Тебя послушать, можно подумать, что нигде, кроме гор, нельзя встретить нормального человека. – И более доверительно добавила: – это не только моих друзей касается.

– Это потому что я знаю, что горы – это прекрасная проверка на прочность. Смотришь на человека и представляешь его с нами в походе – и сразу видно, кто он на самом деле.

Танька заведомо победно улыбнулась.

– Но проверка – это своеобразный шанс, не правда ли? – риторически спросила она, глядя на меня исподлобья. – Ведь, проверяя человека, ты уже подразумеваешь, что у него есть возможность стать тебе ближе.

– Допустим, – аккуратно согласился я.

– А как тогда людям заслуживать твоё доверие, если ты даже не подвергаешь их проверке? Ты не даёшь им шанса се-

бя проявить. Ты просто... представляешь, – заключила она, сияя – так сиял я, когда обыгрывал отца в морской бой. Иногда я не замечаю, как в этих детских весёлых глазах, помимо детскости и весёлости, появляется ум. Она отчасти права: я давно уже решил ограничить круг близких мне людей до минимума, и сам упустил тот момент, когда в него стали входить от силы пять человек – не больше, но любое человеческое действие обусловлено жизненным опытом и не просто так я принимал подобные решения – и до этого Татьяна ещё не доросла.

– А зачем людям моё доверие? – саркастично заметил я. – Я и без доверия могу завести их в самую глушь леса и оставить там. Причём за их же деньги.

Таня засмеялась, но всё же осуждающе взглянула на меня.

– А тебе самому никогда не хочется поговорить по душам? – уже менее уверенно поинтересовалась девочка.

– А ты мне на что? – и я потрепал её по волосам.

Родник предстал перед нами полуразрушенным макетом маленького древнегреческого городка, и я, закатив штанины выше колена, подобрался к самой воде. Ледяные брызги пулями касались кожи, после дождя родник бил особенно сильно.

– Подавай бутылки, – не грубо скомандовал я.

Я был рад, что Танька решила более не возвращаться к этой теме. Ведь, вероятнее всего, она, как и я, перестанет тянуться к людям уже в возрасте шестнадцати лет (если

не раньше), она меня поймёт, но позже. Но знал бы кто, насколько я хотел бы в этом ошибаться...

Вернувшись к нашей стоянке, когда туман уже почти рассеялся, мы увидели привычно радостную физиономию Валентина, уже давно закончившего возиться с костром. Он указал нам рукой на лысый участок пологого склона в трёх километрах отсюда и, довольный, произнёс:

– Идут!

У Таньки загорелись глаза.

– Ура! Яр придёт! А он гитару брал? Нет? Ну ладно... А было б здорово! А может, взял всё-таки?..

– Так, – собрано изрёк я, – костёр готов, вода есть, наши палатки в порядке, оплата у Яра, получаем по возвращению, провизия в отряде... Вроде всё.

– Расслабься, командир, – хлопнув меня по спине, усмехнулся Валентин, проходя мимо к баклашкам с водой, и принялся перетаскивать нашу посуду в отдельное место под деревом, обставив его бутылками, – уж Яр обо всём позаботится. Золото, а не ребёнок! – пошутил он, однако же сам сотворил в лагере полный порядок в минимальный срок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.